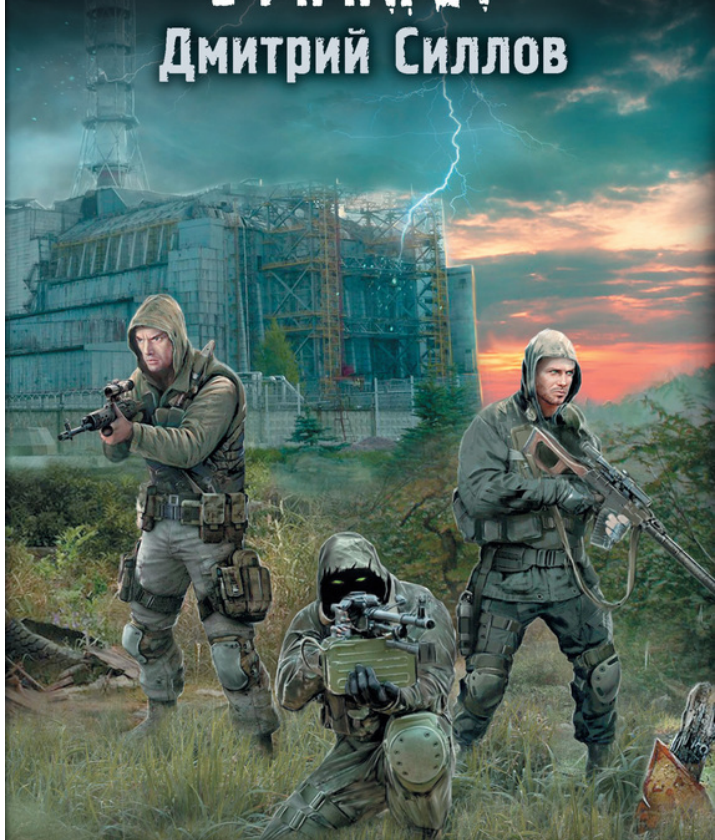


СТРАЖЕР

Дмитрий Силлов



ЗАКОН ШРАМА

Дмитрий Олегович Силлов
Закон Шрама
Серия «Апокалипсис-СТ»
Серия «Снайпер», книга 24

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=25096807

Д. О. Силлов. Закон шрама: ООО «Издательство АСТ»; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-104881-5

Аннотация

Зона в огне. Группировка «Монумент» расплзается по ней, словно раковая опухоль, уничтожая на своем пути все живое. Кто-то очень могущественный стоит за спинами фанатиков, координируя их действия и снабжая самым современным оружием. Цель «Монумента» понятна: тот, кто возьмет контроль над Зоной, будет диктовать свою волю всему остальному миру.

Но помимо амбиций фанатиков есть еще и воля самой Зоны.

Вот почему вновь встречаются на обожженной излучением земле сталкеры-легенды: Меченый, Шрам, Снайпер, Японец... Отмеченные Зоной, призванные ею для выполнения своеобразного контракта, цель которого пока не известна никому из них. Но это и неважно, потому что один из главных законов Зоны – Закон наемника. Взятся – делай. Даже ценой собственной жизни.

Хотя лучше все-таки остаться в живых.

Содержание

Пролог	7
Около года спустя за тысячу километров от Зоны	10
В то же время за десять тысяч километров от Зоны	22
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Дмитрий Силлов

Закон шрама

© Д. О. Силлов, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ, и Вадима Чекунова, руководителя направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ за поддержку и продвижение проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222».

писателя Александра Мазина за бесценные советы и рекомендации, Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Зоне за ценные советы в процессе моей работы над романами литературных проектов «СТАЛКЕР» и «КРЕМЛЬ 2222».

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте».

Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калинце-

ва, Виталия «Винт» Лепестова, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Андрея Гучкова, Елену Диденко, Вадима Панкова, Сергея Настобурко и Ростислава Кукина за помощь в развитии проекта «Снайпер».

а также сертифицированного инженера Microsoft, выпускника MBA Kingston University UK, писателя Алексея Лагутенкова за квалифицированные консультации по техническим вопросам.

У тех, кто умирает, шрамов не бывает.

Шрам означает лишь одно: «Я выжил!»

Ролан Топор. «Принцесса Ангина»

Пролог

По берегу реки полз человек. Справа катила свои тяжелые воды хмурая Припять. Слева возвышался берег, заросший низкорослыми, кривыми, изуродованными радиацией деревьями с наполовину вылезшими из земли корнями, похожими на искалеченные конечности осьминогов.

И река, и берег уходили вдаль, к близкому горизонту. Лишь руку протяни – и вот он, словно верхушка забора, за которым, возможно, ждет спасение от нестерпимого жара, бушующего в области живота.

Человек полз по самой границе между водой и берегом. Вода частично гасила жар, суша давала надежду. На что? Человек не задавал таких вопросов, требующих сложных ответов. Ведь если начать думать, то можно не выдержать и обернуться. А делать этого нельзя ни в коем случае. Поэтому он просто медленно, очень медленно протягивал руки к горизонту, вонзал пальцы в мокрую землю и из последних сил тянул вперед свое непослушное тело.

Зачем он это делал? Кто его знает. Точно ответит на этот вопрос лишь человек, который когда-нибудь сможет говорить после того, как автоматная очередь взрежет его живот подобно самурайскому мечу при ритуале сэппуку – в этом случае выпущенные в упор разрывные пули обычно ложатся очень близко друг к другу. Можно лишь догадываться...

Наверно, очень страшно просто лежать на месте, баюкая в ладонях раздирающую боль и ожидая, когда стрелка часов твоего личного времени наконец, вздрогнув в последний раз, остановится навсегда. Поэтому раненый полз по незримой границе между сознанием и беспамятством, между жизнью и смертью. А следом за ним лениво плыли по воде обрывки его кишечника, оставляя на поверхности Припяти размытые бледно-розовые кляксы.

Внезапно над его головой раздался знакомый звук...

Так жужжат сервомоторы современных экзоскелетов, и пока что даже самые продвинутые западные фирмы ничего не могут поделать с этим фактором, серьезно демаскирующим солдата при выполнении ответственных секретных заданий.

Горизонт заслонили два тяжелых сапога, снабженныхazole щиколоток мощными приводами. Сапоги были изрядно заляпаны грязью. О бронированный рант левого билась полураздавленная подошвой небольшая водяная сколопендра, пытаясь кинуть обидчика. Но челюсти, смахивающие на щипцы для колки орехов, безуспешно соскальзывали с брони, оставляя на ней желтые ядовитые разводы.

Человек сделал над собой усилие и приподнял голову.

– Следопыт? – прохрипел он. В его тихом, еле слышном голосе теплился огонек надежды. Ведь даже на пороге смерти умирающий все еще живет – а значит, надеется.

Сверху, с неба на бьющуюся сколопендру обрушился

стальной приклад, впечатав в грязь мутировавшее насекомое. Зеленоватая слизь брызнула в лицо раненому, обожгла кожу на щеке и на лбу. Человек вздрогнул от неожиданности.

– Следопыт? – насмешливо переспросил голос с неба. Ехидно пискнули сервомоторы, неспешно отводя назад сапог, заляпанный раздавленной плотью речного мутанта.

Удара человек не почувствовал, лишь услышал, как хрустнули его лицевые кости. И сквозь накатывающую на него багровую и желанную волну беспамятства до него донеслись слова:

– Следопыт, надо же! Ты, Выдра полудохлая, даже представить себе не можешь, как сильно ошибся...

Около года спустя за тысячу километров от Зоны

Острроверхие крыши уютных коттеджей ласкали теплые солнечные лучи, бережно высушивая дорожную черепицу после недавнего дождя. Помимо этого у лучей было много забот – побегать по лужам на черном, недавно положенном асфальте между заборами, поиграть в догонялки на мокрых лобовых стеклах автомобилей, которые хозяева поленились загнать в подземные гаражи. И, конечно, помочь малышу найти сверкающую серебристую лопатку, которую он потерял, заигравшись, и теперь сосредоточенно разыскивал, перекапывая желтый песок крохотными ладошками.

Рукоять лопатки торчала позади него, возле синего борта песочницы, но ведь искать всегда интереснее не там, где высока вероятность найти искомое, а там, где хочется. Впереди лежал огромный таинственный мир, ограниченный высоким забором цвета чистого, умытого дождем неба, и малышу хотелось исследовать его с начала и до конца. А лопатка была лишь поводом для раскопок, но никак не причиной.

– Миямото, сынок, ты опять весь в грязи по уши!

Ребенок вздохнул и как истинный самурай обреченно сел на пятую точку, готовясь принять неизбежное. Исследование мира откладывалось на потом, но что есть время для насто-

ящего мужчины, принявшего бесповоротное решение? Так, песок, который неизбежность в лице матери стряхивает сейчас с его ладошек...

Отец ребенка усмехнулся своим мыслям, наблюдая в окно веранды, как его маленькая жена, подхватив Мишку на руки, упаковывает его в специальный рюкзак на животе, отчего малыш становится похожим на парашютиста-новичка, готовящегося совершить вместе с инструктором свой первый прыжок.

Много ли надо человеку для счастья?

Что ценнее: огромные счета в банках, личные самолеты, яхты и острова, обложки журналов Time и списки Forbes – или же скромная должность менеджера в филиале японской фирмы, торгующей автомобильными покрывками, и маленький коттедж на окраине провинциального городка, из окна которого видно, как любящая тебя женщина играет с твоим сыном? Спросите об этом счастливого отца – и не удивляйтесь, когда он посмотрит на вас как на сумасшедшего. Хотя вряд ли посмотрит и едва ли услышит. Сейчас его взгляд, его мысли, чувства, да и весь остальной мир – это его маленькая семья. И больше ему ничего на свете не нужно.

Большая электронная собака размером с ослика увидела хозяйку, радостно вывалила синтетический язык и, оторвавшись от вдумчивого обнюхивания розовых кустов, бросилась к ней.

Мужчина улыбнулся. Он ни разу не пожалел, что год на-

зад привез сюда это четвероногое недоразумение. Стальная зверюга полностью копировала собачье поведение и всё, что ей требовалось от жизни, – это электрическая розетка ночью и хозяйское внимание днем. В общем, собака и собака, хотя забор, укрывающий от любопытных взглядов, пришлось поставить монолитный, из бетона, высотой в два с половиной метра – к чему лишние расспросы и слухи? Соседи, конечно, люди приличные, но безопасности никогда много не бывает.

Хозяйка погладила собаку и почесала за ухом, отчего та радостно заскулила. Настало время кормить малыша, и женщина совсем уже собралась идти в дом, как вдруг внутренний динамик ворот выдал залиvistую соловьиную трель. Собака тут же среагировала – повернула голову на звук и глухо заворчала.

– Спокойно, Скуби-Ду, – засмеялась молодая мать и пошла к воротам.

«Интересно, кто бы это мог быть в такое время?». – подумал мужчина.

Он открыл дверь веранды и пошел по дорожке, выложенной декоративным камнем. Майуко как истинная японка всегда стремится помочь мужу и берет на себя все заботы по дому. Но иногда без участия главы семьи не обойтись. Как, например, сейчас.

Женщина нажала кнопку, и динамик вежливо поинтересовался:

– Господин Андрей Воронов?

– Это его жена, – отозвалась Майуко. – Он уже идет сюда.

– Очень хорошо, – обрадовался динамик. – Я из международной курьерской службы. Для него посылка, примите пожалуйста.

– Откуда посылка? – поинтересовалась женщина, откидывая створку в толстых стальных воротах размером с крышку чемодана – даже габаритная посылка пройдет, а вот человеку пролезть будет проблематично.

– С Украины, – ответил динамик – и отключился с легким щелчком. Хотя, возможно, это щелкнул и не динамик, а что-то внутри посылки. Квадратный короб размером с системный блок компьютера появился из проема – и упал на траву, Майуко просто не успела подхватить его.

– Что же вы так неаккуратно? – пискнула она.

Но с другой стороны ворот никто не ответил, лишь взревел мотор и завизжали протекторы невидимого автомобиля – водитель немилосердно жег резину о мокрый асфальт. Наверно, у международной курьерской службы было много других посылок, и её представители очень спешили вовремя доставить их получателям.

– Выброси это обратно! – закричал мужчина, бросаясь к воротам. Но на его пути совсем некстати оказалась электронная собака...

Это его и спасло.

Страшной силы взрыв смял и разорвал на части стальные ворота, словно картонку. Стена коттеджа, принявшая на се-

бя удар взрывной волны, подалась внутрь, но устояла, чудом удержавшись на стальных ребрах арматуры – тот, кто строил этот невесомый с виду домик, позаботился о дополнительном запасе прочности. На улице наперебой завывали автомобильные сигнализации, закричали люди, пытаюсь выяснить, что случилось, и заодно громко сетуя по поводу стеклопакетов, выбитых из окон их уважаемых домов взрывной волной...

Мужчина скрипнул зубами и столкнул с себя развороченное туловище американского транспортного робота, которого он и его семья давно считали просто домашним питомцем – уж больно естественно, по-собачьи вел себя BigDog-3 по имени Скуби-Ду, запрограммированный на адаптацию к любым условиям существования. При этом данную модель отличали повышенные показатели пулестойкости и взрывоустойчивости – нелишняя предосторожность для военной машины, преимущественно занимающейся транспортировкой боеприпасов на поле боя.

Но расположенные под влагонепроницаемым имитатором шкуры толстые бронепластины не спасли робота – многочисленные осколки мощного взрывного устройства полностью разворотили его бок, оторвали две ноги и изуродовали электронную начинку. В каше из покоруженного металла и разорванных проводов что-то искрило. В двух шагах от Скуби-Ду валялась его оторванная голова, и чудом уцелевший динамик внутри нее скулил жалобно, хрипло и ненатурально.

Но мужчине не было дела ни до изуродованного забора, ни до покосившегося дома, ни до электронной собаки, ни даже до собственного лица – большой участок кожи от границы роста волос до самого подбородка был глубоко вспорот осколком, чудом не задевшем левый глаз...

Человек, буквально минуту назад бывший счастливым мужем и отцом, стоял и смотрел на глубокую яму, образовавшуюся на том месте, где только что стояла его жена, одной рукой придерживая рюкзак с сыном, а другой открывая створку в бронированных воротах...

От его семьи не осталось ничего. Даже лоскута одежды, даже капель крови на подстриженном газоне, засыпанном землей и мелкими осколками декоративного камня. Тот, кто готовил взрывное устройство, хорошо знал, как сделать так, чтобы после активации его детища никто не смог опознать трупы. Хоронить было нечего... да и незачем. Нужны ли бессмысленные ритуалы тем, кто умер только что быстро и страшно – ребенку, его матери и его отцу? Который тоже погиб вместе со своей семьей, но по странной прихоти судьбы зачем-то сохранил способность видеть, дышать и двигаться.

Но это всё было легко поправимо.

Человек повернулся спиной к яме и вошел в дом. Кровь, капающая из глубокой раны на лице, залила его пиджак и рубашку, но он не обращал на нее внимания – мертвому всё равно, какого цвета его одежда.

В гостиной горел камин, возле которого стояли две бутылки

лочки с детским питанием – Майуко предпочитала совмещать полезное с приятным. Она любила смотреть на огонь... примерно десять минут назад. А еще она любила своего сына и мужа...

– Я иду к вам, – сказал мужчина, опускаясь на колени перед камином и нажимая на один из камней в его основании.

Камень тяжело подался внутрь, после чего монолитное с виду основание камина медленно выехало вперед. Внутри него, словно в ящичке длинной тумбочки, лежал длинный чемодан, небольшая кожаная сумка и объемистый сверток.

Мужчина достал сверток, положил на пол и развернул тяжелую, дорогую ткань, в которую были завернуты два японских меча.

Первый – тот, что подлиннее, – был богато украшен золотом и драгоценными камнями. Второй, покороче, представлял собой полную противоположность нарядному собрату – черные ножны и такая же черная рукоять, единственным украшением которой была рельефная кнопка-мэнуки, изображавшая знак инь-ян, пробитый самурайским мечом.

Мужчина достал из ножен короткий меч.

Именно такими вакидзаси древние воины Японии совершали ритуальное самоубийство, если под рукой не было специального кинжала-кусунгобу. Теперешний хозяин меча хоть и не был японцем, но считал себя вправе просить древнее оружие, имеющее собственную душу, оказать ему последнюю услугу.

Клинок меча тоже был непроницаемо-черным, правда, на его поверхности можно было различить гравировку – дракона с жемчужиной в лапе и цепочку иероглифов.

«Отнимая жизнь у противника, помни – это не самое ценное, что ты можешь у него отнять», – прошептал мужчина...

Когда-то, много лет назад он не смог понять, что имел в виду средневековый мастер, нанося на клинок эти слова. Как жаль, что понимание истинной мудрости приходит так поздно... и так страшно. Незвестный противник только что отнял у него тех, чьи жизни были намного ценнее его собственной. Но при этом сам остался в живых.

И это было неправильно.

Мужчина взглянул на ножны. На покрытой черным лаком поверхности дерева были выгравированы еще несколько иероглифов – строка из стихотворения великого японского воина двенадцатого века Исэ Сабуро, начальника разведслужбы не менее великого полководца Ёсицуне Минамото: «Того, кто встанет на пути синоби¹, не защитят Kami² и будды».

Рука, уже готовая вонзить в живот черный клинок, осто-

¹ *Синоби* – японское прочтение китайского иероглифа «ниндзя» (в переводе «человек, умеющий ждать; тайный агент»). В Древней Японии ниндзюцу и синобидзюцу были синонимами.

² *Ками* (яп.) – 1) души людей и предметов, способные к автономному существованию вне тела и обладающие собственным разумом. По представлениям японцев не тело имеет душу, а душа управляет приданным ей телом; 2) божество японской мифологии.

рожно вернула его в ножны. Мужчина понял: прежде чем он отправится следом за своей семьей, он должен совершить важное дело. «Когда уходишь откуда-то, нужно закрывать за собой дверь и не оставлять мусора», – год назад сказал ему Призрак, белый синоби из клана якудзы Ямагути-гуми. Он был абсолютно прав. Нельзя покидать этот мир, если жив убийца твоей семьи.

– Подождите меня немного, – прошептал мужчина, мысленно обращаясь к жене и сыну.

Он бережно завернул в материю оба меча и положил сверток рядом с собой. В тайнике еще оставались чемодан и сумка. Мужчина достал их и задвинул обратно пустой ящик тайника. После чего, щелкнув замками чемодана, откинул крышку.

Внутри в специальных гнездах лежали детали и принадлежности разобранного стрелково-гранатометного комплекса ОЦ-14 «Гроза», приспособленного для бесшумной стрельбы. Вариант «4А-03», покоящийся в чемодане, помимо подствольного гранатомета был снабжен оптическим прицелом и глушителем.

Удовлетворенно кивнув, хозяин чемодана защелкнул замки и занялся сумкой, в которой оказались стопка документов, три кредитные карты, несколько пачек евро в банковской упаковке, восемь картонных коробок с патронами СП-6 и четыре выстрела к гранатомету. Помимо этого в сумке обнаружилась большая желтая коробка с красным крестом на

пластиковой крышке и загадочной надписью «Международный институт внеземных культур. Только для сотрудников», а также маленький пульт с двумя кнопками, похожий на дистанционный ключ для ворот.

Словно вспомнив о чем-то, мужчина достал из внутреннего кармана пиджака паспорт и раскрыл его. С фотографии на второй странице на него смотрел вполне довольный жизнью человек в белой рубашке без малейших следов крови на воротничке, старательно отутюженном женской рукой.

Другой человек.

Мертвый.

И имя чужое – Андрей Воронов. Зачем мертвецу паспорт?

Документ полетел в огонь, в воздухе запахло горелой кровью – обложка успела пропитаться ею, а он и не заметил. Не до этого...

Следующей в его руках оказалась извлеченная из сумки красная книжечка с золотым гербом – двуглавый орел и щит с буквой «К». Как говорится, мудрому достаточно.

Документ был выдан Комитетом по предотвращению критических ситуаций на имя майора Виктора Савельева с кучей печатей, голограмм и отметок о допуске. И фотография человека в нем оказалось похожей на ту, что догорала в камине вместе с паспортом, только лицо более строгое и форма военного покроя. Сильная книжечка, но опасная – Комитет вряд ли обрадуется воскресшему из мертвых майору, обгоревшее тело которого наверняка так и не смогли опознать.

Так что уж лучше Виктору Савельеву оставаться для Комитета тем, кто он есть сейчас.

Мертвым.

Книжечка тоже полетела в огонь, а вслед за ней и большинство оставшихся документов. Мужчина оставил лишь один паспорт на имя Петра Селиванова со своей фотографией внутри. Вполне хватит для того, чтобы доехать до единственного места на земле, где ни у кого не спрашивают документов. До единственного места в Украине, откуда могла прийти посылка на его новое, теперь уже несуществующее имя...

За покосившимся домом слышались сирены полицейских машин. Правда, представители власти не спешили входить на территорию дома – наверняка ждали минеров, спецназ или еще кого-нибудь, кто лучше них разбирается во взрывах и терактах. Но хозяина дома это уже не интересовало.

Он аккуратно затворил заднюю калитку, практически сливающуюся с забором – с двух шагов не заподозришь, что стена не сплошная, и никогда не отыщешь, если не знаешь, что именно искать. После чего сразу свернул в переулок, достал из кармана просторного плаща пульт, похожий на дистанционный ключ для ворот, и вдавил в него верхнюю кнопку...

Над крышами коттеджей взметнулся огненный столб. С новой силой – теперь уже по всему городку – взвыли сирены автомобилей и завопили бывшие соседи, у которых наверня-

ка повыносило не только оконные стекла, но и двери веранд. При этом вряд ли кого-то из них ранило или убило – взрыв был точно рассчитан лишь на уничтожение коттеджа и прилегающих к нему построек, которых было не так уж и много.

Человек, которого совсем недавно звали Андреем Вороновым, нажал на вторую кнопку пульта и выбросил мгновенно начавший плавиться кусочек пластмассы в ближайший мусорный ящик. Он уходил из нормальной человеческой жизни, ничего не оставив себе на память о ней. Ничего, кроме поцарапанной серебристой лопатки в кармане плаща, которую он подобрал с земли перед тем, как навсегда закрыть заднюю калитку своего дома.

В то же время за десять тысяч километров от Зоны

– Ты тоже не спишь? – спросила она.

Я молчал. Ответа не требовалось.

Мы уже давно умели угадывать многое по дыханию друг друга, повороту головы, незначительному движению пальца. Иногда мне казалось, что я знаю заранее ее мысли, чувства, желания, которые еще не родились в ее голове. А она наверняка знала мои, в этом не было никакого сомнения.

– Она тоже зовет тебя...

На этот раз в ее голосе не было вопросительных интонаций. Я никогда не говорил ей о том, что сквозь шелест пальм слышу по ночам тихий голос, звучащий в моей голове:

«Ты обрёл то, что заслужил, но я вижу, что тебе этого недостаточно... Вернись в Зону, сталкер... Вернись домой...»

Выходит, она слышала то же самое. Ведь она была истинной дочерью Зоны – так сказал Болотник в тот памятный день, когда моя любимая, так и не перешагнув границу между жизнью и смертью, наконец открыла глаза цвета единственного в мире артефакта.

Единственного... После ее воскрешения «дочкино ожерелье» поблекло и перестало сиять словно кусочек неба, умы-

того дождем. А когда мы пересекли границу Зоны, оно превратилось просто в цепочку светло-синих шариков, которые к сегодняшнему дню стали полностью бесцветными.

Тем не менее «дочкино ожерелье» так и не покидало шеи моей возлюбленной.

До сегодняшнего дня.

Сегодня она впервые сняла его и положила на прикроватную тумбочку. Очень аккуратно и... осторожно. Так работники серпентария отпускают в террариум лишенную яда змею, которая всё равно может укусить – хоть для жизни и безопасно, но по-любому приятного мало.

И внезапно я понял, что моему счастью пришел конец – окончательный и бесповоротный.

Только счастьем ли?

Не знаю...

Наверное, очень многие люди на вопрос: «Что такое счастье?» ответят – небольшой личный остров, не особенно хлопотное, но весьма доходное занятие, неслабый счет в банке и беззаботная жизнь рядом с любимым человеком. И они по-своему будут правы... до тех пор, пока всё это вдруг разом не свалится им на голову.

Конечно, несколько месяцев они будут вполне счастливы, осваиваясь с предметами и возможностями, ранее им недоступными. Они, несомненно, купят дорогую машину, двухместную яхту и вредную собачонку для любимой, покатаются по миру, поглазеют на облезлые пирамиды и скособочен-

ную башню, отважно поглядят перед фотокамерами одуревших от наркотиков тигров и крокодилов, съедят много экзотических блюд, запивая их незнакомыми напитками и, наконец, с морем впечатлений, слегка омраченным разыгравшимся гастритом, вернутся домой слушать, как шумят пальмы и плещется океан, лаская волнами берег их вождеденной собственности.

Но пройдет совсем немного времени на острове, где каждый последующий день похож на предыдущий и где ровным счетом ничего не происходит... и человек, потом и кровью добывший вождеденное богатство, начинает понимать, что на машине ему ехать особенно некуда, на яхте есть куда плыть, да незачем, а собачка исчезла – то ли сама утонула, то ли ее утопила жена в приступе ежевечерней меланхолии.

Тогда остается единственное, ради чего стоит жить, – любовь. Друг к другу и к детям, которые просто обязаны появиться на свет в этом пальмовом раю для двоих.

Но если хорошенько вспомнить библейские легенды, то рай и дети – понятия несовместимые. Тем более в случае, если Адам и Ева прибыли в место вечного блаженства из Зоны – области повышенного радиоактивного фона, оказывающего разрушительное воздействие на организм человека, а особенно на его репродуктивные способности. Нет, с потенцией и либидо у меня было всё в порядке, да и моя любимая не жаловалась на отсутствие влечения ко мне. Скорее наоборот, каждая наша ночь была наполнена страстью и нежностью...

До недавнего времени.

– Это все «фотошоп», – сказала она пару месяцев назад. – Из-за него я стала пустой, как стреляная гильза.

Я хотел было пошутить что-то насчет свежего капсюля, но вовремя заткнулся – женщине, которая не может стать матерью, не до шуток. Вместо этого я попытался ее утешить, напомнив, что артефакт подарил ей неземную красоту.

– Да кому она нужна, красота... и всё это.

Она широко и размашисто, словно зачеркивая видимую реальность тонкими пальцами, обвела рукой океан, пальмы и чистое синее небо над нашим островом...

Врачи на материке только разводили руками. И на остальных материках тоже. И у нее, и у меня всё было в норме. Не было только счастья, которое угасло медленно и неотвратимо, как сияние в «дочкином ожерелье»...

Я лежал рядом с ней, смотрел в потолок и думал о том, как всё это начиналось...

А началось всё с того, что однажды я очнулся и обнаружил себя лежащим на деревянном столе в подземном логове торговца с говорящим прозвищем Жмотпетрович. При этом я не имел ни малейшего понятия о своем прошлом, воспоминания о котором стерли из моей головы ученые за Периметром Зоны перед тем, как забросить меня в это проклятое место.

Они же сделали из меня совершенную машину убийства, запрограммировав меня на единственное задание – найти

Директора комплекса подземных лабораторий и убить его, что было фактически равносильно приказу уничтожить Мону-мент.

Я шел через Зону, уничтожая всё, что мешало мне на пути к цели. Но на том пути я встретил эту девушку – и, возможно, в тот самый момент в моей голове начался возврат к прошлой жизни.

Я дошел до цели и выполнил задание. Прежде чем погибнуть, Директор подземных лабораторий вернул мне память, а Монумент отдал свое сердце – артефакт «чистое небо», излечивающий любые болезни, отклоняющий пули и заодно позволяющий проникать через границу между мирами.

Воспоминания о прошлой жизни вернулись ко мне. Я больше не был бездумной машиной, выполняющей чужие задания. И тогда я понял, что мне совершенно наплевать на все научные эксперименты мира и на возможную месть моих бывших хозяев. Я снова стал человеком, для которого в этом мире не существовало ничего важнее девушки с небесно-синими глазами.

Я отыскал ее... только для того, чтобы снова потерять.

Почти потерять.

Она была членом группировки «Всадники», не без моей помощи утратившей бесценный артефакт «фотошоп», который являлся основой благосостояния этой крупной и хорошо вооруженной банды. Уникальный артефакт превращал любого человека в идеал совершенной красоты, и «Всадни-

ки» поставили на поток бизнес по корректировке человеческой внешности.

Но за всё приходится платить. Несмотря на все предосторожности, в большинстве случаев новоиспеченный полубог вместе с совершенной красотой получал в придачу острую лучевую болезнь – «фотошоп» был крайне радиоактивен.

Свою любимую я нашел в бессознательном состоянии и отнес ее к Болотнику – гениальному целителю, последней надежде всех обреченных обитателей Зоны. Но даже он ничего не мог поделать. Знаний всего человечества не хватало для того, чтобы вылечить ОЛБ в последней стадии. Правда, Болотник указал мне единственный путь к спасению моей любимой. Этот путь лежал за границей существующей реальности, в далеком будущем, больше похожем на ад, населенный чудовищами, которые даже не снились самым опытным сталкерам Зоны.

Мой нож «Бритва» и артефакт «чистое небо» помогли мне пройти через ад и принести то, о чем просил Доктор, несмотря на колотое ранение в легком и практически сожженную левую руку.

Смерть отступила от моей любимой, но из комы она так и не вышла. Я выжил благодаря стараниям Болотника, но вскоре был вынужден покинуть его жилище.

Над Зоной, а значит, и над той, кто был мне так дорог, нависла страшная опасность. Монумент, лишенный «чистого неба», больше не мог сдерживать поток аномальной энергии,

и грядущий выброс ужасающей силы грозил превратить весь мир в одну огромную Зону, кишашую полчищами голодных мутантов и покрытую полями гигантских аномалий.

За дело взялся не только я. Вместе с Меченым и его друзьями мы прошли через неприступные Северные кордоны и вернули Монументу его сердце. К тому же к нашей группе примкнул киллер, которого правительство послало нас ликвидировать. Бывает же такое! Этот сталкер, получивший прозвище «Японец», оказался неплохим парнем и здорово помог нам³.

Правда, не обошлось и без потерь. Во время атаки на монументовцев погиб сталкер Выдра, член группы Меченого. Он умер героем, взорвав оба ДОТа, прикрывавших вход на мост через Припять... Вечная ему память, упокой его Зона.

В остальном всё кончилось неплохо. Угроза глобального выброса миновала, Болотник вернул к жизни мою любимую, мы все получили от Захарова свои доли причитающегося нам гонорара и разбрелись кто куда. Призрак, Клык и Следопыт остались в Зоне сталкерствовать дальше. Японец, обведя вокруг пальца свое высокое начальство, вместе с семьей осел где-то в захолустье. Меченый, по слухам, стал главным научным консультантом в украинском фили-

³ О приключениях Виктора Савельева по прозвищу «Японец» до событий, описанных в романах Дмитрия Силлова серии «СТАЛКЕР», можно прочесть в трилогии «Русский якудза» того же автора, включающей в себя три произведения: «Тень якудзы», «Ученик якудзы» и «Путь якудзы».

але Международного института внеземных культур – научно-исследовательском учреждении, занимающемся исследованием Чернобыльской аномальной зоны – во что мне, впрочем, не очень верилось. Я же, отхватив самый солидный куш, оказался здесь, получив от Зоны в полном объеме то самое пресловутое счастье, о котором мечтают все, кто его не имеет⁴.

Но, как оказалось, счастье такого рода тоже не предел мечтаний – подозреваю, именно от него миллионеры спиваются, садятся на иглу и порой кончают жизнь самоубийством. Правильно говорят: когда Бог хочет кого-то наказать, он исполняет его желания, при этом лишая человека стремления к лучшей жизни. Вот оно, концентрированное счастье, не для всех, а только для тебя, хоть жри его каждый день половниками. Но в два автомобиля одновременно не сядешь, в два костюма не влезешь, и больше литрового пузыря местного рома в себя не вольешь – в меня, во всяком случае, не влезало, пробовал...

Наконец сон сморил меня. Глубокий, темный и холодный, словно морская пучина, в которую медленно погружаются утопленники с разбитого бурей корабля. А когда я проснулся от лучей рассветного солнца, осторожно перебравшихся через подоконник нашего бунгало, оказалось, что я лежу в

⁴ Подробно о приключениях Снайпера, предшествующих событиям этого романа, можно прочитать в книгах Дмитрия Силлова «Закон Зоны», «Кремль 2222. Юг» и «Закон стрелка».

кровати один.

Она ушла, оставив после себя лишь смятые простыни, мокрую от слез подушку, и листочек на прикроватной тумбочке, прижатый выцветшим до стеклянной прозрачности «дочкиным ожерельем».

Я взял листок в руки, в общем-то уже зная, что там написано.

«Прости. Каждая птица ищет свое небо, но это небо оказалось не моим. Яхту я оставлю на материке у причала. Прощай».

Я аккуратно положил письмо обратно на тумбочку, взял в руку «дочкино ожерелье», лег на свое место и уставился в потолок.

Конечно, мне было плохо, но ведь подспудно я уже несколько месяцев ждал такого финала. И рано или поздно это должно было произойти...

Ни с того ни с сего мне вспомнился давний разговор со сталкером Баяном в «Ста БЭРах». Парень не случайно получил свое прозвище – он плотно сидел на героине, и вся его жизненная философия была заточена под шприц и его содержимое. И хотя я никогда не разделял увлечений Баяна, иногда его рассуждения были не лишены смысла.

«Бабы – это дурь, – сказал он тогда, имея в виду не расстройство рассудка, а именно содержимое шприца. – Иногда случается, что ты на них плотно подсаживаешься, а потом тебя лишают зелья. Тогда у мужика начинается ломка. Он

мечется, пытается соскочить, забывая депрессняк тем, что под руку попадет, – метадон, шмаль, колеса, водяра. Кайфа никакого, лишь бы не ломало. И колбасит его до тех пор, пока не вернется его привычная дурь либо пока он не подсядет на другую.

– И что, никто не соскакивает? – хмыкнул я тогда.

– Бывает, что и соскакивают, – степенно кивнул Баян, умудренный «Пихкалом» и очередным вспрыском «белого снадобья» в напрочь убитые вены. – Если это можно так назвать. Подключают мозги и начинают дозировать ширево пару раз в неделю по сто баксов за час – опять же, без кайфа, только чтоб ломку забить. Либо уходят в Зону и перестают закидываться радиопротекторами. Через полгода от радиации ломка сама собой проходит. Вместе с желанием и возможностями.

– То есть любви не существует? – уточнил я.

– Насчет любви не знаю, но химия в том процессе точно есть. Феромоны или еще что-то. Со временем она ослабевает вплоть до полного исчезновения, и ты осознаешь, что вбухал кучу денег и нервов в беспонтовые глюки...

Эх, Баян, если бы всё было так просто, как ты говорил тогда. Позвонил по телефону, вызвал на остров вертолет с бухлом и круглозадым лекарством от ломки – и решена проблема. Но думается мне, что любовь далеко не химия и не наркотик, а судьба. Которая у одних есть, а другие просто лишены ее и летят по жизни, словно мыльные пузыри по ветру

– бесполезные и пустые внутри...

Я даже услышал далекий рокот того воображаемого вертолета с «лекарством», который я никогда не вызову, как бы плохо мне ни было... Соскочив с кровати, я машинально сунул «дочкино ожерелье» в карман шорт, и бросился к окну.

Иногда ко мне в гости прилетали ученые. Конечно, полученные от Захарова миллион с хвостиком евро сумма небольшая, но всё-таки недостаточная для покупки личного острова. Его мне хозяин научной базы на озере Куписта предоставил для проживания бесплатно. Взамен я должен был охранять этот остров – собственность Международного института внеземных культур, весьма влиятельной структуры не только в Украине, но, как оказалось, и во всем мире.

Остров был искусственно создан на верхней площадке секретной научной базы, занимавшейся какими-то подводными исследованиями. Подозреваю, что полулегендарный регенерон из крайне редко встречающихся в Зоне научных аптек был как раз плодом этих исследований – уникальное лекарство, по слухам, добывали из морских звезд.

Тогда я поинтересовался у Захарова, не маловат ли будет гарнизон для охраны острова? Но профессор сказал, что одного специалиста моего уровня будет вполне достаточно. А если я захочу съездить в отпуск, то на время моего отсутствия сюда прибудет другой профи той же квалификации.

База была практически полностью автоматизирована, и любой визит группы ученых, время от времени вводящей

данные в главный компьютер и списывающей результаты исследований с информационных носителей, должен был оговариваться со мной заранее по телефону. Но звонка не было уже давно, а до прилета почтового вертолета, раз в неделю доставлявшего к порогу моего бунгало все необходимое, оставалось еще два дня. Тем не менее уже было ясно, что нарастающий рокот за окном есть далеко не плод моего большого воображения. Кто бы это мог быть?

Я выглянул в окно лишь на мгновение, после чего бросился к кровати и резко ударил ладонью по одной из декоративных финтифлюшек, торчащих из на первый взгляд излишне вычурного изголовья.

Массивная кровать быстро провернулась вокруг невидимой оси, открыв прямоугольное отверстие в полу с металлической лестницей, ведущей вниз. Но пока она крутилась, я успел сунуть руку под подушку и выхватить оттуда боевой нож – неизменный мой спутник и в Зоне, и на Большой земле. После чего я зажал «Бритву» в зубах и скатился по лестнице, обхватив перила руками и пренебрегая ступенями, словно матрос по тревоге. Моя поспешность объяснялась просто – заходящее на цель звено военных вертолетов с ракетами, подвешенными на внешних консолях, не способно неторопливому и вдумчивому спуску в шлюз боевой рубки научной станции.

По пути я рванул рукоять рубильника, и стальная плита над моей головой вместе с установленной на ней кроватью

отправилась в обратный путь. Но за мгновение до того, как мощные засовы вернулись в пазы, через щель в бетонный бункер ворвалось неистовое пламя.

Мне повезло – несколько осколков просвистели в считанных сантиметрах над моей головой, прежде чем страшные удары прямых попаданий обрушились на плиту. Но к тому времени она успела полностью замуровать вход в шлюз. Пол под моими ногами разошелся в стороны, и моему взгляду открылась вторая лестница, ведущая в рубку.

Наверно, пилоты вертолетов сильно удивились, когда увидели, что их ракеты не сровняли маленький остров с поверхностью воды, а лишь сорвали относительно тонкий маскировочный слой почвы с круглого бетонного колпака, напоминающего кончик гигантской пушечной пули, торчащей из воды. И каково же было их удивление, когда эту «пулю» вдруг прорезала черная щель, сильно напоминавшая амбразуру дота, закрытую до поры толстенными бронешитами.

Пилоты не растерялись и попытались увести свои машины от смертельной опасности... Они были хорошими пилотами и отлично знали свое дело. Но создатели зенитно-ракетного комплекса, установленного на научной станции, были лучшими в мире мастерами своего дела. По слухам, много сил и средств потратили сотрудники Международного института внеземных культур, чтобы заключить контракт на поставку российских ракет 9М96Е, созданных на подмосковном заводе в городе Химки.

Но оно того стоило.

Наверно, пилоты увидели лишь, как в широкой амбразуре мелькнуло что-то, едва уловимое глазом, – и в следующую секунду их боевые машины просто перестали существовать. Даже взрыва как такового не было – так, короткая вспышка, после которой в океан осыпалось пыльное облако, состоящее из мелкой стальной крошки.

– Неслабо, – пробормотал я.

Пусковая установка с четырьмя небольшими ракетами весом чуть больше трехсот килограммов каждая оказалась действительно страшным оружием. Жаль, что ученые собрали в боевой рубке только одну такую установку, боевого потенциала которой хватило лишь на один залп. Наверно, жутко дорогая была эта штуковина. Хотя спасибо и на том.

Итак, база рассекречена. И на этот счет у меня имелись абсолютно четкие инструкции.

Я ввел в компьютер необходимый код, согласно запросу системы подтвердил свои полномочия, продублировал код и нажал «Enter».

Нет, на мониторе не загорелись красные цифры, отсчитывающие время, как это бывает в плохих боевиках. Система отправила информацию о происшествии на другой конец света, откуда должно было прийти подтверждение моим выводам, согласно которым я ввел код. Но ожидание решения сильных мира сего тоже не входило в мои инструкции.

Согласно им я должен был сделать следующее. Поднять-

ся наверх по бетонному рукаву, ведущему из рубки наверх, и, погрузившись в небольшой катер, отчалил на материк. В багажном отделении катера имелся контейнер, в котором находилось все необходимое для того, чтобы я мог без проблем добраться до своих работодателей: необходимые вещи, деньги и документы.

Во всяком случае, так говорилось в инструкции.

Но я не привык доверять инструкциям. К тому же, если рассуждать логически, вряд ли работодатели будут рады агенту, знающему слишком много о рассекреченной и уничтоженной базе. Потому я еще полгода назад вскрыл контейнер, убив на это дело целый день и пролив на бетонный пол ведро пота. Найдя в нем то, что ожидал, я немного пошаманил над содержимым этого «киндерсюрприза». что сейчас мне изрядно пригодилось.

Я выполнил лишь первую часть инструкции – поднялся по широкой бетонной кишке, дернул за тонкую, незаметную проволочку, торчащую из контейнера, завел катер, зафиксировал руль ремнем, заранее припасенным именно для такого случая, передвинул рукоятку управления газом и выпрыгнул прежде, чем узкая стальная посуда рванула вперед.

До берега было около полутора миль. Пройдя примерно половину пути, катер подпрыгнул на волне и превратился в огненный шар. К тому времени я уже успел переодеться в легкий водолазный костюм, припрятанный в ящике с песком возле пожарного щита, и развернуть упакованный в бре-

зент АДС – «автомат двухсредний специальный», снабженное подствольным гранатометом оружие-«амфибию», способное эффективно поражать цели как под водой, так и на суше. До берега еще предстояло добраться, а акулы в океане обычно голодные. Да и кто его знает, какой прием ожидал меня на суше.

Я сплюнул три раза через плечо, чтобы не сглазить, после чего зарядил АДС и шагнул в воду.

Полторы мили для хорошего аквалангиста расстояние не особенно серьезное. Но в своем богатом приключениями прошлом я прошел лишь короткий спецкурс боевых пловцов, который отнюдь не делал из меня Ихтиандра. Ознакомление с аквалангом, двадцать часов дайвинга, работа со специализированным подводным оружием – вот, в общем-то, и вся подготовка. К тому же не люблю я эти подводные дела, когда видимость, мягко говоря, не очень, внизу темно, и хрен его знает, кто там копошится на дне и когда оттуда вынырнет. Плюс акулы, по сравнению с которыми ктулху – милая домашняя зверюшка. Чисто мое мнение, не претендующее на истину в последней инстанции, подкрепленное крайне неприятными воспоминаниями о коротком, но памятном знакомстве с гигантским осьминогом.

В этом сезоне прибрежные воды полны акул. Не успел я проплыть и половины пути, как две темные тени промелькнули прямо по курсу. Третья сунулась ко мне проверить, насколько может быть питателен одинокий пловец, – а может,

просто расширить кругозор. Но я ни на ноготь левого мизинца не последователь Жак-Ива Кусто и выяснять, с какой целью собралась познакомиться со мной акула, не имею ни малейшего желания. Потому я просто выпустил полмагазина в тупорылую морду, целя по глазам, после чего вновь усиленно заработал ластами, стараясь не попасть в зону темного пятна, расплывающегося вокруг раненой твари.

Вокруг бьющейся акулы немедленно началась усиленная возня – не иначе ее товарки спешили полакомиться еще живым мясом. А может, пытались оказать первую помощь – мне было всё равно.

Я обогнул по широкой дуге место подводного рандеву, стремясь поскорее убраться подальше из среды, крайне неблагоприятной для здоровья. Ученые утверждают, что наши далекие предки вышли из океана – что ж, прекрасно понимаю пращуров. На их месте я бы сделал то же самое, причем как можно быстрее.

Дальнейший путь прошел без приключений. Я выбрался на берег, сплошь покрытый зарослями тропической растительности, и окунулся в одуряющую вонь перегноя, замешанную на тяжелом аромате орхидей – словно склеп обильно полили духами и обмазали шоколадом, который успел густо порастить плесенью. Тот еще аромат для непривычного человека. Хотя если не принюхиваться и не привередничать, то вполне терпимо.

Я закопал свой костюм с АДСом под ближайшим кустом

и остался лишь в черных шортах и футболке того же цвета – вполне нормальный вид для местного жителя, тем более что за год прожарки на местном солнышке я загорел до черноты, и цветом кожи почти не отличался от аборигенов. Но если у такого «аборигена» на поясе имеется небольшая плоская сумочка с зелеными наличными и синим паспортом гражданина США, то в глазах местного населения он автоматически приобретает статус небожителя.

Во время своего пребывания на острове я старался как можно меньше светиться на материке, особенно на той его части, что была в непосредственной близости от моего бунгало. А уж если и появлялся на берегу, то исключительно в темных очках и гавайских рубашках самых сумасшедших расцветок. Если ты в глазах и памяти местных жителей отпечатался как «мистер Попугай», то вряд ли они сопоставят запомнившийся образ эксцентричного белого с невзрачной внешностью босоногого туриста, твердо решившего экзотики ради в одиночку потаскаться по лесу и поймать голой пяткой спящую змею или паука-птицееда.

Признаться, мое развеселое настроение объяснялось отнюдь не избавлением от тягот и лишений совместного проживания с прекрасной дамой. Я слишком сильно любил свою девчонку, которая досталась мне такой дорогой ценой, чтобы радоваться ее исчезновению. Просто есть такая армейская мудрость, что лучшее средство от любви – это бег в противогазе. Возможно, не прилети сейчас вертолеты и не устрои

мне веселую жизнь с ракетами, взрывами и акулами, я бы сейчас валялся в своем бунгало наполненный ромом по самое небо и играл со своим никелированным «Бульдогом» в «русскую рулетку».

Но жёсткий экшен не способствует депрессии и прогрессирующему алкоголизму, когда, несмотря на чувствительную занозу в груди, тебе приходится метаться словно таракану по зажженной газовой горелке. И чтобы человека не накрыло вышеупомянутыми печальными последствиями сердечной драмы, ему желателен прием этого самого экшена в мегадозах до тех пор, пока организм сам не отторгнет из сердца инородное тело.

Я обернулся, чтобы бросить сквозь густую листву последний взгляд на остров, который так и не стал моей тихой пристанью. Над поверхностью океана торчала подкопченная железобетонная лысина, к которой с опаской приближалась пара военных катеров – так шакалы подбираются к недавно умершему льву. И страшно, и голод не дает убраться восвояси. А над горизонтом наметилось около дюжины черных точек – похоже, местные вояки решили послать сюда все доступные силы для решающего удара.

Но повторной атаки не потребовалось.

Внезапно полукруглое возвышение превратилось в вулкан, расколовшись точно посередине. Не иначе на другом конце земного шара кто-то нажал пресловутую красную кнопку – или же, что вероятнее, просто ввел команду на кла-

виатуре.

Столб огня и воды поднялся на несколько метров – и опал, оставив на поверхности океана лишь масляное пятно да оплавленные и неидентифицируемые плавучие обломки. А я же повернулся и неторопливо пошел через заросли на звук полицейских сирен. Сейчас автомобили с мигалками наверняка неслись к причалу, чтобы обследовать мою пустую яхту, единственное свидетельство того, что на острове кто-то жил... и что этот остров вообще когда-то существовал на карте.

Глухой взрыв, донесшийся через чащу, убедил меня в том, что полиции сегодня вряд ли удастся поживиться свежими вещественными доказательствами. Сомневаюсь, что к уничтожению яхты была причастна моя девочка – скорее всего, где-то под обшивкой трюма до поры до времени тихо лежали несколько небольших брикетов, не влияющих на дизайн и плавучие качества нашего суденышка. Просто когда умные люди не исключают возможность фиаско, они готовятся к нему заранее.

Это в полной мере относилось и ко мне.

Я вышел на дорогу, послушал недоуменный вой сирен у причала, и направился к облезлому двухэтажному зданию гостиницы, чудом не снесенной при строительстве курортного городка и прилегающей к нему инфраструктуры. Хозяин гостиницы был приветливым малым и умел хранить секреты – возможно, эти два качества и не дали погибнуть его

заведению.

Я вошел в вестибюль и подмигнул хозяину, торчавшему у ресепшена, больше похожего на причал, сильно побитый штормами.

– Привет, Кеони, – сказал я.

– Привет, гринго, – широко осклабился абориген, неизвестно с какой радости прилепивший мне латиноамериканский ярлык не самого высокого пошиба. – Что там за шум? Это случаем не у твоего бунгало просела крыша?

Я выложил на причал Кеони пять зеленых бумажек с портретом Бенджамина Франклина и в качестве ответного знака расположения показал аборигену все свои новые коронки.

– Ты как всегда проницателен, старина, – произнес я. – Но сегодня мне не до кровельных работ, так что я забираю свою машину.

– Решил прокатиться по побережью? – поинтересовался Кеони.

– Вроде того, – неопределенно сказал я.

В глазах хозяина гостиницы промелькнуло что-то вроде грусти.

– Забери свои деньги, – произнес он. – Мне будет не хватать тебя, гринго. Тебя и твоей мучача. Возвращайтесь, когда навсегда исчезнет ураган в ваших душах.

– Обязательно, – кивнул я, прекрасно зная, что вижу Кеони в последний раз. Просто зачем лишний раз расстраивать единственного человека на этом материке, который неплохо

ко мне относился? Да потом и не особенно я наврал. Только сейчас я понял, как был наивен, мечтая об уединенном острове для двоих детей Зоны, в душах у которых ураган может лишь утихнуть на время, но навсегда закончиться – никогда.

* * *

Хорошо сделанный синий паспорт позволяет любому человеку путешествовать по миру без каких-либо ограничений. Благодаря своему я уже через двое суток высаживался в киевском аэропорту «Борисполь». Пограничник с недоумением посмотрел на меня, словно спрашивая, что загорелый мистер Джек Макгрегор, проживающий в городе Рокфорд, штат Иллинойс, забыл в столице Украины, но пропустил без проблем – у людей с синим паспортом обычно не бывает проблем на границах государств планеты Земля.

Мистер Макгрегор ничего не забыл. Он просто вернулся домой. Именно такое ощущение возникло у меня, когда скрипучий грузовик, миновав мост через реку Тетерев, въехал в село Ораное, расположенное в трех с половиной километрах от КПП «Дитятки».

В селе было полно военных – сразу за Ораным начинались заграждения и пулеметные вышки Второго кольца обороны. За Третье кольцо туристов пропускали без особых проблем. За Второе – только со специальным пропуском и под конвоем. Разрешалось таким туристам немного – издали по-

глазеть на кирпичные будки «Дитяток», послушать хриплые вопли матюгальника, призывающего сознательных граждан Украины и сопредельных стран не пытаться проникнуть на охраняемую территорию, посетить местный музей с чучелами монстров и макетами артефактов из папье-маше. А также перед тем, как загрузиться обратно в экскурсионный автобус и отправиться в сельскую столовую, гордо именуемую рестораном, пожать напоследок твердую как лошадиное копыто ладонь сурового воина в камуфляже, охраняющего не Зону от нас, а нас от Зоны.

Меню ресторана «Второе кольцо» было истинно сталкерским: водка местного разлива, пиво Zona premium, колбаса, тушенка, серый мокрый хлеб, тушеные в поросячем жире свиные глаза, выдаваемые за органы зрения квазимяса, щупальца размороженных осьминогов – само собой, в меню значащиеся как ктулховые, и другие разносолы того же порядка. Водитель самосвала по пути рассказал, что в последнее время завсегдатаями «Второго кольца» стали корейцы – жареных псевдо-волкособак им подавали целиком на вертеле, что зарубежных гостей радовало несказанно. Правда, кормили их в отдельном помещении – даже самых закоренелых сталкеров и любителей экзотики из других стран слегка коробили столь экстремальные гастрономические изыски.

Но не экзотическая кухня заинтересовала меня, когда я перешагнул порог «Второго кольца». В Зоне мне доводилось питаться не суррогатами, а натуральными продуктами здеш-

него меню, и не скажу, что я был от них в восторге. По моему мнению, вся эта свистопляска вокруг экзотической кухни Зоны сильно напоминала историю с устрицами и лягушачьими лапками – звону много, а на вкус те же кильки в томате и цыпленок-табака, только цыпленок вкуснее.

С той поры, как я был здесь в последний раз, обстановка никоим образом не изменилась. Те же деревянные, грубо ошкуренные столы и длинные скамьи, ерзать на которых категорически не рекомендовалось, ибо, пренебрегая этой элементарной техникой безопасности, вы имели практически стопроцентную гарантию на память о Зоне получить пучок заноз в филейные части. На бревенчатых стенах хозяева заведения развесили головы и шкуры мутантов, в большинстве своем поддельные, ибо за настоящую голову взрослого ктулху с неповрежденным черепом и целыми ротовыми щупальцами можно было купить весь этот ресторан вместе с потрохами его хозяев. А тех голов щерилось со стен аж две штуки, пугая белыми пуговицами глаз свеженьких туристов.

Посетителей в этот раз оказалось немного. Двое военных, облаченных в камуфляжи «флора» и ковыряющих вилками тушенку, экономии ради разогретую прямо в банках, четверо экскурсантов, опасливо занявших столик поближе к выходу, и колоритная фигура в толстовке, отважно развалившаяся на скамье прямо под башкой ктулху. Фальшивый мутант жадно смотрел вниз, и казалось, что вот-вот на голову смельчака с кончиков растопыренных щупалец закапает же-

лудочный сок, растворяя помилованные Зоной остатки волос на лысине.

Позой тип в толстовке напоминал утомленного жизнью буддистского монаха, правда, вместо четок его пальцы лениво перебирали в тарелке кусочки бешбармака, порой отправляя в рот наиболее приглянувшийся. Новички смотрели на едока со смесью восхищения и брезгливости – надо же, руками ест! – хотя ничего особенного в этом не было. Просто лысеющий тип знал, как правильно употреблять блюдо, рецепт поглощения которого содержится в его названии. Помимо национального кушанья тюркских народов на столе в изобилии находились грязные тарелки и пиалы, пространство между которыми заполняли жестяные пивные банки.

Удовлетворенно хмыкнув, я направился прямо к фактурному посетителю ресторана, словно только что выпрыгнувшему из агитационного плаката «Сталкерство – уродливое явление современности!».

«Уродливое явление» захватило меня в прицел сонных глазок и уже не выпускало из поля зрения. Я примерно догадывался, о чем думал этот концентрированный сталкер, словно выставленный на продажу в самой заметной части ресторана. Впрочем, так оно и было. Во всех подобных заведениях, расположенных вокруг охраняемого периметра зараженных земель, имелся такой вот пропитанный Зоной торговец, которого почему-то не трогали военные. Причем секрет его неуязвимости был прост, как и любая схема успеш-

ного и прибыльного бизнеса.

Вдоволь нагулявшись, наслушавшись историй о сказочных богатствах Зоны и насмотревшись на охраняемый забор, изрядно проголодавшиеся туристы, как правило, неслись в первый же попавшийся ресторанчик, истекая слюнями голода и зависти к героическим сталкерам, которые вот прямо сейчас голыми руками вытаскивают из серой травы бесценные артефакты и хорошо поставленными пинками гоняют по Зоне злющих мутантов.

Понятное дело, что после такой экскурсии каждый второй турист остро желал вот прямо сейчас рвануть на запретную территорию, быстренько подстрелить ктулху, подобрать пару валяющихся под ногами артефактов и, завернув их в еще теплую шкуру мутанта, вернуться домой в ореоле славы... а заодно и затраты на поездку отбить.

Хотите – получите.

Опытная в таких делах официантка, удостоверившись в непоколебимости желаний клиентов, немедленно указывала им на матерого Сталкера, жрущего мясо без помощи столовых приборов. Обычно, собравшись с духом и поминутно оглядываясь, самый смелый турист наконец отрывал от скамьи пятую точку и, на ходу выдергивая из нее занозы, направлялся к местному воплощению мужества и отваги.

И тогда начиналась игра.

Примерно через полчаса турист осознавал, что вся его жизнь была лишь прелюдией к походу в Зону, где его ждут

умопомрачительные приключения и баснословные капиталы. Но для этого ему, конечно, понадобится достойное снаряжение и мощное оружие. Которое он может приобрести прямо здесь, причем со значительной скидкой. Также оказывалось, что за скромную сумму Сталкер готов провести неопфита через охраняемый кордон, правда, вскользь упомянув, что предприятие это незаконное.

Но неопфиту уже всё было до лампочки. Замирая от счастья, турист передавал торговцу необходимую сумму – и ни разу не был обманут. Торговец отлучался ненадолго и буквально через несколько минут приносил покупателю объемистый рюкзак. После чего назначал место встречи и благополучно исчезал.

Тут на туриста часто снисходило озарение, после чего он быстренько бежал в туалет проверить качество приобретенного товара. И тут же успокаивался – товар соответствовал прайсу и по качеству был выше всяких похвал.

Происходящее дальше тоже не вызывало подозрений. Ближе к ночи отважный турист, несколько подрастерявший боевой задор, всё же притаскивал свое переодетое в камуфляж тело к назначенному месту. Где его ждал Сталкер, свято соблюдавший условия контракта. На пути к периметру украинская ночь полностью вступала в свои права, заботливо накрывая дрожащего от ужаса туриста чернильным плащом, сквозь который порой прорывались треск в кустах и жуткие завывания вдали.

Потом была колючая проволока, услужливо приподнятая клинком боевого ножа, ползание в грязи, настоящая мина под носом, которую надо просто осторожно дезактивировать – щас покажу как!.. – и сапоги патруля возле лица, сопровождаемые оглушительным собачьим лаем вкупе с ослепляющим светом мощных прожекторов.

О дальнейшем нетрудно догадаться. Преступника водворяли в темную и холодную камеру, конфисковывали оружие и снаряжение, доводили до его сведения номер статьи Уголовного кодекса и примерный срок заключения за пересечение границы охраняемой территории двумя и более лицами и как бы между прочим намекали, что закон, конечно, суров и неподкупен, но умные люди обычно не доводят дело до суда, а решают проблему полюбовно непосредственно с начальником патруля.

В результате этой нехитрой комбинации оружие и снаряжение возвращалось к продавцу, навар честно делился между всеми участниками операции, а счастливый турист, вволю хапнувший вожделенного экстрима на всю оставшуюся жизнь, трясся в экскурсионном автобусе, благодаря судьбу за то, что расстался не с собственной головой, а только лишь с карманной наличностью...

Судя по выражению глаз, торговец меня не узнал. Да и мудрено было узнать в загорелом дочерна, дорого одетом иностранце сталкера, покинувшего эти места около года назад.

Я подсел к нему. Торговец и не подумал повернуть голову в мою сторону. Лишь шумно отхлебнул пива из банки, откинулся на спинку скамьи и, глядя прямо перед собой, проговорил степенно:

– Погоняло моё Юркий. Обычно ко мне обращаются за уникальным оружием. Редкие модели, прототипы, именные пушки. Ну и элитное снаряжение, последние разработки защитных и боевых костюмов. Каждая вещь проверяется мной лично, так что качество гарантировано.

Я выдержал подобающую случаю восхищенную паузу и тихонько произнес:

– Мне сказали, что у вас можно приобрести... кхм...

– И «кхм» можно, – отозвался торговец, обмакивая в подливу кусочек мяса и неторопливо отправляя его в рот. – И ПМ можно. И даже склад ГСМ можно с доставкой и установкой. Только плати.

– Мне ПМ не надо, – сказал я, прикидывая, что вряд ли я рядом со Вторым кольцом разживусь чем-то приличным. – Что такое АКСу, знаете?

– Аксу? – хмыкнул торговец. – Знаю. Город в Казахстане. А что, билетами туда интересуешься? Так это лишнее, у меня здесь всё есть. Четвертак за «корабль» и впридачу открытка с видом на Чуйскую долину в качестве бесплатного бонуса.

Я рассмеялся от души.

– А теперь скажи-ка мне, Юркий, какого снарка ты дела-

ешь в этом гастрономическом цирке?

Торговец подавился бешбармаком, выпучил глаза и стал похожим на муляж ктулху, висящий у него над головой. Я дружески хлопнул его по загривку, отчего полупережеванное мясо звучно шлепнулось обратно в тарелку, и Юркий наконец соизволил повернуть голову в мою сторону. В его круглых глазах – того и гляди из орбит вывалятся – мелькнуло узнавание.

– Снайпер? Ты, что ль? – прохрипел он, продышавшись.

– Не, это моя трехмерная проекция на данную точку пространства, – сказал я.

– Ну ни хрена себе! – выдавил из себя мой собеседник. После чего припал к банке с пивом, многократно увеличив сходство с ктулху. Хотя мутанты пива не пьют, но во время кормежки тоже пыхтят и отдуваются – точь-в-точь Юркий, заливающий стресс солидной дозой «Зоны премиум».

Наконец торговец закончил ритуал приема успокоительного, бросил под стол смятую банку и, основательно вытерев правую руку о несвежую скатерть, с чувством протянул ее мне. Судя по осмысленному взгляду, он был готов к общению.

Я пожал потную ладонь торговца без энтузиазма, поставив себе зарубку потом в туалете тщательно оттереть ладонь хозяйственным мылом.

– Какими ветрами тебя сюда приволокло? – поинтересовался хозяин потной ладони, изрядно воняющей луком и ба-

раниной, несмотря на проведенные гигиенические процедуры.

– Попутными, – уклончиво ответил я. – Лучше скажи, что нового в Зоне произошло за это время?

– Да до хранища нового, – сообщил Юркий. Судя по его бегающим глазам, торговец усиленно соображал, какую выгоду можно извлечь из моего появления, но пока ничего путного в голову ему не приходило. – Правительство учудило вот, собирается Зону официально уменьшить – ходи кто хошь, делай чего вздумается. Типа, планируют пересмотреть уровень радиоактивного загрязнения на территории Зоны, перенести периметры и на освободившихся землях строить чего-то.

– Строить? Ну-ну, – криво усмехнулся я. – Если не принимать во внимание мутантов и аномалии, то только под саркофагом сейчас как минимум около ста килограммов особо токсичного плутония. Это ж практически вечный элемент с периодом полураспада двести сорок пять тысяч лет, один микрограмм которого – смертельная доза. Он что, за четверть века сам оттуда выковырнулся и испарился? Четыре часа нахождения возле Саркофага – смертельная доза. Одна пылинка, выброшенная из Саркофага тогда и попавшая в легкие сейчас, – смертельная доза...

– Ну, завелся сталкерюга, – проворчал торговец. – Как же, Зону его половинят. Да только, думаю, не даст она себя резать. И топтать себя кому не лень тоже не даст.

– Ладно, Юркий, это всё лирика, – произнес я. – Давай-ка ближе к АКСу вернемся. Реально ствол и снаряга нужны. Здесь, я смотрю, что-то вообще тухло стало, через Третье кольцо перочинный нож не пронести.

– Это да, – кивнул Юркий. – А через Второе и Первое – тем более. И цены взлетели на шмалялово-сажалово – только держись.

– Знакомая песня, – хмыкнул я. – У Жмотпетровича ноты списал?

– Ты Петровича не трожь, – оскорбился Юркий. – Он в свое время мою шкуру спас. Правда, после этого каштаны из огня я для него потаскал изрядно, пока долг не отдал.

– Почему я не удивлен? – сказал я. – И все-таки, Юркий, чем порадуешь блудного сына. Только заранее предупреждаю – ПМы, на которых пробу негде ставить, не предлагай, не буди во мне сфинкса.

– Тебе предложишь, – покосился на меня торговец. – Себе дороже. Только реально нет ничего достойного. Я ж под войками сижу как под прессом, а с ними какие эксклюзивные заказы? Так, смех один.

– Не прибедняйся, – сказал я. – Чтоб у Юркого не было эксклюзива? Никогда не поверю.

Торговец повздыхал еще немного для вида – профессия обязывала – и махнул рукой.

– Ладно. Говорят, ты с Меченым неразлейвода, а я ему кое-чем обязан...

– Да, он говорил, – кивнул я. – При этом упомянул, что ты большой мастер прятать мелкие предметы в труднодоступные места. Правда, не пояснил, что он имел в виду.

– И не надо, – быстро сказал Юркий. – К делу это отношения не имеет. Так что только из уважения к нему и только для тебя.

На стол передо мной легла фотография. Понятно. Пистолет знакомый, снабженный солидным глушителем и слегка измененной рукоятью.

– SIG-Sauer P220, специально модифицированный для пиндосовских спецподразделений «Антитаг», – произнес Юркий. В его голосе слышалась гордость папаша, узнавшего, что его сын только что высадился на Марсе. – Уникальная модель, была выпущена малой партией. С уверенностью могу сказать, что такой пистолет один на всю Зону. Было нелегко достать, но я подключил кое-кого из своих знакомых за рубежом. Увеличенный магазин на четырнадцать патронов, ствол из особо прочной стали, ствольная коробка из сверхпрочного полимера. Но главное достоинство – глушитель, который практически не влияет на точность стрельбы и прицельную дальность.

– А помощнее ничего нет? – поинтересовался я.

– Помощнее? – изумился торговец. – «Зиг-Зауэр» тебе что, совочек или погремушка какая? Больше нет ничего достойного, не обессудь. Пушки Гаусса во «Второе кольцо» сегодня не подвозили.

– Ладно, – притворно вздохнул я. Пистолет мне понравился. Даже не держа в руках, по одной лишь фото можно было сказать – вещь! – Почему нынче счастье?

– Только для тебя – четыре штуки, – сказал Юркий.

– Надо поинтересоваться у хозяйки этой едальни, не примешивает ли она в мясной соус белены, – задумчиво проговорил я. – По ходу, горстями сыплет.

– Да я от души, можно сказать, отрываю, а он... – задохнулся от возмущения Юркий. – По знакомству предложил, называется...

– Три, – отрезал я. – И то обдираловка.

– Не, я ваще фигею! Три восемьсот, и ни копейкой меньше...

Через полчаса задушевной беседы в таком ключе мы сошлись на трех с половиной тысячах плюс полсотни патронов в придачу.

– Ты там не рэкетом на Большой земле подрабатывал? – поинтересовался Юркий, когда мы наконец ударили по рукам.

– Только что собирался задать тебе аналогичный вопрос, – сказал я, под столом отсчитывая семь розовых бумажек – в Зоне деревянный рубль традиционно шел по курсу евро. Заметив мою возню, к столу мелким бесом подкатилась шустренькая официантка. Юркий что-то шепнул ей на ушко, после чего официантка, одарив меня блудливой улыбкой, исчезла, оставив после себя аромат дешевых духов, замешан-

ный на специфическом запахе жареной собачатины.

– Через пятнадцать минут заберешь заказ в сливном бачке туалета, – сообщил торговец.

– Надеюсь, что еще через пятнадцать минут после этого меня самого не заберут вояки, – сказал я, улыбаясь во все свои тридцать два полированных зуба словно одна моя знакомая акула.

– Побойся Черного сталкера, – оскорбился Юркий. – Я ж не «отмычке» голимый ствол загноил, а сталкеру эксклюзив продал. У нас, барыг, тоже профессиональная гордость имеется.

Я глянул на часы. До названного Юрким срока оставалось четырнадцать минут, которые надо было на что-то потратить.

– Ну, а кроме правительственных планов есть еще какие новости? – поинтересовался я.

– А то! – отозвался Юркий. – Ты ж договорить не дал, сразу набросился – ствол ему подавай. Новостей выше крыши, и одна хлеще другой. После того, как ты с Меченым и его группой подпортили пиндосам их штакетник на Севере, Дядя Сэм страшно обиделся и объявил всех сталкеров террористами номер один. После чего твердо вознамерился превратить Зону в филиал Ирака. Польза очевидная – добыча артефактов и мутантов для продажи, испытание нового оружия и снаряги в экстремальных условиях плюс научные исследования невиданных явлений природы и новых форм ма-

терии – вдруг из них оружие какое можно слепить или параллельный мир захватить между делом. Но самое главное – создание еще одной военной базы на территории бывшего «совка». Узбекистана с Киргизией им мало, мля, теперь еще и Украина понадобилась.

Юркий смачно сплюнул на пол. Может, муху ртом поймал – их здесь целые эскадрильи жужжали над тарелками (почему я ничего и не заказывал), а может, еще что.

– В общем, начали они тут настоящую локальную войну, – продолжил Юркий. – «Антитагов» понагнали, построились в колонны и давай Зону прочесывать на предмет поиска террористов. Да не тут-то было.

Торговец самодовольно хмыкнул.

– Свободные сталкеры, понятное дело, во главе с Валерьичем начали натуральную партизанскую войну. И – не поверишь! – «Борг» с «Волей» замирились в открытую, правда, с оговоркой – на время боевых действий. После чего скоординировали со сталкерами совместные действия... и началось.

– Подозреваю, что в Зоне за последнее время появилось очень много экзоскелетов последней модели и навороченных штатовских винтовок, – предположил я.

– Есть такое дело, – кивнул Юркий. – Только оно досюда не доходит, военные всё фильтруют жестко на Первом кольце и продают владельцам обратно.

– Лихо, – усмехнулся я. – Кстати, а что наши предприимчивые вояки решили с этой войной делать?

– Ничего не решили, – вздохнул торговец. – Заняли вооруженный нейтралитет. Им сейчас в Зону никак не с руки соваться. Начнут пиндосам помогать – народ не поймет. Сталкеров поддержат, мол, преступники наши, сами разберемся, – америкосы взбрыкнут, типа, государство террористов прикрывает и всё такое. И то и другое вопрос политический, потому вояки только кордоны усилили, да иногда бандюков гоняют, чтоб видимость движухи создать, а глубоко в Зону не суются. Там сейчас ситуация вообще непонятная, черт-те что творится.

– По-моему, все ясно, – возразил я. – Заокеанские демократы военные заказы осваивают. Что ж тут непонятного?

– Я не об этом, – поморщился Юркий. – В Зоне пару месяцев назад Черный Сталкер объявился.

– Шухов, что ли? – удивился я.

Черный Сталкер в Зоне был легендой неоднозначной. Кто-то вроде как видел его в качестве то ли привидения, то ли посткумарного глюка, но подавляющее большинство считало лишь персонажем местного фольклора, героем анекдотов, которые сталкеры просто обожают травить на вечерних привалах.

– Да какой Шухов, – отмахнулся барыга. – Убийца. Зверь, каких поискать. Мочит всех подряд – и сталкеров, и пиндосов. Причем не по-человечески. Нет бы пулю в голову, как положено, и снарягу с хабаром забрать, тогда б понятно все было. А так долбанет чем-то по башке, с ног собьет, свяжет,

живот вскроет, засунет в кишки взрывпакет, фитиль подожжет и уйдет. А фитиль длинный оставляет, лежи, любуйся и жди маленького бада-бума... Жуть, одним словом. После взрыва человек-то еще долго живой остается, с кишками, порванными в лоскуты.

– А почему этого садиста Черным Сталкером прозвали? – спросил я.

– Видели его, – сказал торговец. – В черное он рядится по самые уши. В тени хрен заметишь. В Зоне-то, сам знаешь, солнца считай не бывает, так что для того, кто умеет в тенях шхериться, самое то оно.

Я задумался. Какая-то мысль пыталась зацепиться за сознание. Бывает такое – вроде вот-вот придет понимание, в миллиметре ты от него... Ан нет. Словно крупная рыба с крючка срывается то, что дергало только что за леску. И вновь плавная река забвения несет вместе со своими водами важнейшие мысли, которым никогда не суждено стать частью твоей жизни и, возможно, изменить твою судьбу...

– А еще говорят, у Перевозчика помощник объявился, – продолжил Юркий, окончательно прервав мои попытки сосредоточиться и вспомнить нечто очень важное. – Отморозок еще тот, но мудрый, как квазигадюка. То, что пиндосы фанатиков Монуumenta финансируют и экипировкой снабжают, давно уже ни для кого не секрет. Так этот дальше пошел. Теперь с его подачи группировка наемников вообще заказов со стороны не берет, перекупил их новый помощник

Перевозчика на корню. Так что сегодня на Землю наймитов уже не сунуться – банда Бехрама на «Монумент» шарашит, и всех посторонних ее снайперы отстреливают за километр до границы.

– Оно и раньше почти то же самое было, – сказал я.

– То же, да не то же, – мрачно проговорил Юркий. – Раньше фанатики Монумента сидели себе в Припяти и дальше загоризонтной РЛС нос не совали. Сейчас же с подачи пиндосов и при поддержке подразделений «Антитаг» их бойцы всю Зону к ногтю прижимают. И довольно успешно. С севера монументовцы, с запада – наемники. Соответственно, «Воля», что меж двух огней оказалась, по шапке и получила, еле ноги унесли. Так что теперь их база уже под «Монументом» вместе с оружием и боеприпасами – полагаю, законсервированные склады-бункеры они уже вскрыли. Думаю, борговцы на очереди. И хоть их генерал Грачев и гоношится, мол, пусть попробуют сунуться и всё такое, мое мнение следующее: долго «Боргу» не продержаться. Что еще... Научникам все до фени, лишь бы их не трогали, да пиндосам, в общем-то, по барабану шайка яйцеголовых на озере Куписта. Их консервную банку с бронеколпаками вскрывать – геморроя не оберешься, потому с Захаровым монументовцы очень любезны и торгуют вовсю. И что в остатке? Бандиты Индуса, которые за паршивый «этак» родную маму продадут? Или Валерий с кучкой своих вольных сталкеров? Все они бойцы до первого прорвавшегося через аномалии под-

разделения «Антитагов» в нанокостюмах, которые «калаш» только в упор пробивает. Думается мне, что еще месячишко-другой, и наших вояк вежливо попросят с кордонов парни в зеленых беретах. И ничего им не останется, кроме того как удалиться, гордо подняв голову.

– Дела... – протянул я.

– Не то слово, – кивнул Юркий. – Старая Зона последние деньки доживает. Монументовцы с наемниками в ней каждую тропку знают, потому ни «Боргу», ни «Воле», ни уж тем более Валерьичу с его шайкой голодранцев ничего не светит.

– Ну, насчет последних деньков – это ты загнул, – хмыкнул я. – Если Зона не захочет, значит, все будет по-старому. Или по-новому – если захочет.

– Это да, – кивнул торговец. – Тут не поспоришь.

– Слушай, – сказал я, внезапно осененный одной мыслью. – А ты случайно не слышал, на днях девчонка периметр не переходила? Ну, фигуристая такая, волосы золотистые, глаза синие...

...Когда девушка уходит от тебя, заноза в сердце все равно остается. И каждый думает, что если вернуть всё как было, саднить перестанет, при этом прекрасно зная, что обманывает сам себя – как было, уже никогда не будет. А если и будет, то, скорее всего, плохо и недолго. Или сильно по-другому. Но почему же, осознавая всё это, каждый из нас все равно пытается вернуть прошлое?..

Юркий внимательно посмотрел на меня. Потом на тарел-

ку. Потом снова на меня.

– Тебе это точно надо? – спросил он.

– Мне это точно не надо, – честно ответил я. – И никому это не надо. Но все-таки – она в Зоне?

Юркий кивнул – а может, просто он был слишком пьян и его просто немного качнуло вперед. Переспрашивать я не стал. Тем более что четверть часа, о которой говорил торговец, уже пять минут как миновала.

– Удачи, Юркий, – сказал я, поднимаясь со скамьи.

– Удачи, Снайпер, – прилетело мне в спину...

* * *

Торговец не обманул – в туалетном бачке обнаружился герметичный пластиковый пакет с заказом. Я тщательно вымыл руки, обтер пакет туалетной бумагой, распечатал. Угу. Пистолет, глушитель отдельно, коробка на сорок патронов 45 АСР с надписью «Made in USA», десять в магазине. Нормальная тема – и для удобства расчета, и чтоб пружину не перегружать без надобности. И запасной магазин в придачу сверх договоренности. Молодец Юркий.

Я привычно проверил оружие. Отличная машинка, для начала сойдет.

Положив пистолет с отсоединенным глушителем в специальный потайной карман под подкладкой куртки, я распределил по карманам остальное, после чего непринужденной

походкой покинул место общего пользования.

Юркового в зале уже не было. Губастая официантка убирала его стол, составляя на поднос пустые банки из-под пива и грязные тарелки. Новичков тоже след простыл – не исключено, что торговец увел их за собой, словно дудочник из немецкой легенды, оперативно вдув им в уши свой вариант средневековой волшебной музыки.

Лишь двое военных – старший сержант и лейтенант, – умяв по банке китайской тушенки, хлебали на десерт мутное разливное пиво из тяжелых стеклянных кружек, чудом сохранившихся еще со времен застоя. По ходу, в кружках было не только пиво, ибо на столе вояк помимо всего прочего стояла наполовину пустая бутылка питьевого спирта. То есть служивые мешали пиво со спиртягой. М-да... Хлепать «ерша» на службе – распоследнее дело... Хотя это точно не моё дело. Пусть делают что хотят, Зона и начальство им судья.

Я направился было к двери, прикидывая на ходу, как бы мне половчее перебраться за периметр, – в настоящее время у меня уже было как минимум две причины для того, чтобы вернуться в Зону. Но военные, похоже, сейчас были в той кондиции, когда человек еще не пьян, но уже и не трезв, и безудержная удаль, порожденная промежуточным состоянием разума, требует либо нажраться в хлам, либо выплеснуть на кого-нибудь раздражение в случае, если продолжение банкета по каким-то причинам невозможно.

– Глянь, Красинский, какая у того типа рожа черная, –

громко сказал лейтенант. – Пока мы тут ктулху кормим, они, мля, в ниццах хари свои копят.

Судя по упитанной летёхиной ряшке и «нулевому» камуфляжу без малейших следов пребывания в Зоне, ктулху он видел только на картинке. Но это уже был малозначительный факт его биографии. Просто мой мозг выдал бесполезную информацию и быстренько начал перестраивать нервные импульсы в соответствии с обстановкой.

– Так точно, трищ лейтенант, – поддакнул подчиненный, в лапище которого пивная кружка казалась предметом из детского кухонного набора. – Пряма негритос с Северных кордонов.

Я шел мимо, не обращая внимания на пару подвыпивших служивых. Вряд ли Юркий слил им информацию про меня – такого торговцы с бывальыми сталкерами себе не позволяли. Хотя, если Зона и вправду так сильно изменилась, то не исключено, что и законы в ней стали несколько иными.

Пройти до выхода из ресторана мне оставалось шагов десять, не больше, как вдруг лейтенант слишком ловко для пьяного бросил в меня пустой банкой из-под тушенки.

– Лови!

Хватать руками заляпанную жиром банку в мои планы не входило. Я просто отклонился вправо, и жестянка, разбрасывая в воздухе кусочки желе и просвистев в сантиметре от моего носа, угодила точно в затылок официантке, транспортировавший заваленный посудой поднос в сторону кухни.

От неожиданности девчонка взвизгнула, словно подстреленная самка квазимяса, поскользнулась и вместе с подносом грохнулась на пол. Вилки-ложки-тарелки, звеня, полетели под ближайший стол.

– Ах ты козлина, – с расстановкой произнес лейтенант, неторопливо отрывая зад от скамьи. – Официантку нашу обижать вздумал?

Вставал он медленно, как и положено командиру, ожидающему, что приданные ему силы немедленно ринутся в атаку.

Силы ожидание оправдали.

Сержант довольно пружинисто для такой туши вскочил со скамьи и ринулся ко мне, занося пудовый кулак для сокрушительного удара.

Попадать под такую кувалду из костей и мяса в мои планы никак не входило. Потому я немного отклонился – на этот раз влево, одновременно делая шаг навстречу противнику. Над правым ухом рассекло воздух дробящее орудие с набитыми костяшками пальцев. Я же, продолжая движение вперед, прихватил сержанта за его «флору» и резко выбросил вперед правое колено.

Эффект получился ожидаемый, словно кусок мяса резко насадили на стальной шампур.

Удар пришелся в низ живота, под моим коленом ощутимо хрустнула лобковая кость. Сержант охнул и сложился пополам. Его горло легло на мое правое предплечье. Захлест ки-

стью затылка произошел словно сам собой, по инерции. Короткий поворот корпусом – и туша мало не в полтора центнера со всего маху грохнулась на спину, при этом широко раскинув ноги...

Серьезную ошибку совершают родители, уча детей, что бить противника в пах нехорошо. В нежном возрасте слова старших записываются в памяти, порождая идиотские правила, соблюдение которых может стоить жизни в реальном столкновении. Того, кто собрался вас покалечить, нужно калечить раньше, чем он осуществит задуманное. Причем наиболее простыми и доступными способами. Особенно если тот противник вооружен...

Я резко ударил каблуком вниз, словно паука давил. Страшное дело, когда обломки лобковой кости при повторном ударе рвут нежные паховые ткани. Зато надежное. От нереальной боли мозг гаснет, словно перегоревшая лампочка, и рука, рефлекторно тянущаяся к пистолету, спешно хватается за источник боли. Словно это может помочь сознанию не провалиться в спасительное небытие...

Вся сцена заняла не больше секунды. Лейтенант осознав, что его авангард был разгромлен за время, необходимое для того, чтобы растерянным голосом произнести «твою мать...», довольно проворно выдернул из кобуры пистолет.

Однако я не стал дожидаться, пока военный совместит линию выстрела с моим телом. Бросившись вперед, я успел перехватить оружие за ствол и совершить элементарное дви-

жение – резко повернуть его дульным срезом к хозяину.

Указательный палец лейтенанта соскочил со спускового крючка, рукоять вывернулась из ладони. Я же, продолжив движение руки, занес огнестрельный кастет и рубанул им наискось по точке, подробно описанной еще Гомером в его «Одиссее». Как оно там у древнегреческого классика?

Одиссей же по шее ударил под ухом и кости
Все внутри раздробил. Багровая кровь полилася
Изо рта. Стиснувши зубы, со стоном Ир в пыль
повалился,
Топая пятками оземь...⁵

В моем случае военный оказался хлипче противника Одиссея – просто рухнул на пол, словно срезанный очередью из ПКТ. Оно и понятно, перелом сосцевидного отростка не хухры-мухры, а натуральная черепно-мозговая травма.

Я быстро осмотрелся. Никого, только голоса на кухне – женский и два мужских. Не иначе почуяли что-то и удалились, дабы не попасть ненароком под раздачу. И это весьма правильно с их стороны.

Одним прыжком преодолев расстояние, отделявшее меня от порога заведения, я быстро перевернул висящую на двери табличку «Открыто», захлопнул её и клацнул внутренней щеколдой, больше напоминавшей стальной засов. Отлично,

⁵ Гомер. «Одиссея». Перевод В. В. Вересаева.

минут пять у меня, надеюсь, есть.

Однако следовало разобраться еще с одним вопросом.

В руке у меня было зажато что-то странное, ранее невиданное. Анатомическая рукоять, удлиненный ствол, довольно незначительный вес для такой дуры – не иначе, рамка полимерная. И надпись на затворе:

FORT-21.03 cal.9X19

made in Ukraine

Ай да летёха, какую продвинутую машинку себе отхватил! Хотя в большинстве случаев успех зависит больше от того, кто оружие в руках держит, а не от навороченности ствола. Ну, и от удачи, конечно, что была сегодня не на стороне хозяина эксклюзивного продукта украинских оружейных технологий, о котором я, признаться, даже и не слышал.

У амбала на ремне висел обычный затертый ПМ, которых в Зоне море. Потому я только сдернул с пистолета затвор и выбросил возвратную пружину под стол – мало ли, вдруг сержант очнется раньше времени и решит стать героем.

После чего я вернулся к поверженному лейтенанту. Неожиданно мне в голову пришла абсолютно безумная мысль.

Летёха оказался примерно моего роста и комплекции. Содрать с него «флору» и натянуть на себя – дело двух минут. Берцы тоже подошли, хотя оказались чуть великоваты – но это мелочи. Документы в левом нагрудном кармане? Отлично! И магазин запасной в специальном кармане штанов. Хо-

рошо бы, чтоб не пригодился, но как-то в свете последних событий слабо в это верится.

Переодевшись, я навернул на «Зиг-Зауэр» глушитель и сунул пистолет за пазуху так, чтобы глушак пришелся под ремень, на котором висела кобура с «Фортом» и кожаный чехол с наручниками. Снимать его – лишние полминуты, так что пусть болтается.

Итак, два навороченных пистолета, камуфля и документы лейтенанта Объединенных Сил Независимых Государств – неплохое начало. Правда, сильно опасное для здоровья. Пожалуй, даже переползание через колючку периметра и минные поля не настолько рискованное занятие, как нападение на военнослужащих, тот периметр охраняющих. То, что я защищался, естественно, никогда не доказать. Да и некому доказывать будет – отведут к Первому кольцу, шлепнут и выкинут в Зону. На следующее утро мутанты и костей от трупа не оставят. Так что выбор у меня невелик, и, может быть, даже где-то хорошо, что всё так получилось. А вот насколько хорошо – это мы узнаем в ближайшем будущем.

Взяв со стола военных недопитую поллитровку питьевого спирта, я вылил ее на свою модную одежду, которую бросил в горящий камин. Дорогушие шмотки обиженно затрещали, пожираемые жадным огнем. В помещении ощутимо завоняло горелым.

– Ну что, военные, всё там у вас?

В зал из кухонного закутка сунулась усатая, откормленная

морда – не иначе, хозяин «Второго кольца».

– Всё, – сказал я, приставив к его мгновенно вспотевшему лбу хозяина глушитель «Зиг-Зауэра». – А теперь кру-гом и шагом марш обратно.

Хозяин «Второго кольца» выполнил команду с проворством «духа со стажем» и метнулся в кухонный туман, пожалуй, даже слишком поспешно. Я шагнул следом – и посторонился, пропустив мимо себя удар разделочным топором. За косяком стоял некто в грязно-белом облачении с внушительным животом наперевес – наверно, повар, решивший, что ему удастся то, что не удалось профессионалам.

Тяжелый топор на длинной ручке, не встретив сопротивления, воткнулся в пол, потянув за собой хозяина. Ну, я и долбанул рукоятью пистолета по возникшему передо мной жирному затылку – не ждать же, пока повар повторит попытку разделать меня, словно говяжью тушу.

Мигом обмякшее тело повара мягко плюхнулось на живот и распласталось на полу, разбросав руки и ноги, словно большая морская звезда. Я перешагнул через него и осмотрелся.

Кухня как кухня, по которой давно плачет санэпидстанция, – большая и вонючая. Плиты, баки, лопатки-поварешки, развешанные на стенах, и кружки-тарелки в специальных проволочных подставках. Хозяин, прижавшийся к краю длинного стола и белый от страха, словно его мукой обсыпали. Официантка у стены, тоже бледная с лица, несмотря на

румяна, уставившаяся на меня большими коровьими глазами. И мощная стальная дверь, которой в кухне явно не место.

– Там что? – качнул я стволом пистолета в сторону странной двери.

– А... мме... – сказал хозяин, явно уступавший в отваге своему повару.

– Загон, – пискнула официантка.

Загон? Что за загон?

Я подошел к двери, с усилием провернул штурвал, вмонтированный в ее центр, и потянул на себя.

И сразу же мне в уши ударил многоголосый визг и лай. Я заглянул внутрь – и присвистнул.

В довольно большом помещении вдоль стен стояли тесные вольеры, в которых сидели... самые обыкновенные собаки. Большие, средние и маленькие собаченции, в основном беспородные и лохматые. Правда, среди них я углядел весьма габаритного кавказца, ротвейлера и даже бультерьера, тут же уставившегося на меня маленькими равнодушными глазами. Все обитатели «загона» были облезлыми, грязными и неухоженными – но не настолько, чтобы не отличить этих обитателей подворотен от мутировавших безглазых тварей Зоны.

Я обернулся и посмотрел на хозяина. Возможно, сейчас мой взгляд был похож на немигающий электронный прицел, вмонтированный природой в акулий череп бультерьера.

– Как я понимаю, ты всех посетителей собачатиной кор-

мишь? – спросил я.

Хозяин, немного пришедший в себя, пожал плечами и сказал с некоторым вызовом.

– А что?

Решил, наверно, что если я сразу его не пристрелил, то бояться нечего. Опасное заблуждение.

– Ничего, – сказал я, мысленно прикидывая, сколько у меня осталось времени до того, пока военные обнаружат пропажу двоих сослуживцев. Что, впрочем, не мешало моему воображению прокручивать сцену – вот эти двое кабанов вытаскивают из вольера визжащую собаку, отрубают ей голову, спускают кровь, обдирают...

Повар понемногу приходил в себя и даже попытался подняться. Я подошел у хозяину ресторана, взял его за шиворот и втолкнул в вольер. Следом, ткнув в морду повара для наглядности глушитель моего ударно-стрелкового оружия, моментально привел толстяка в чувство, после чего отправил его следом за боссом.

– Что вы собираетесь делать? – взвился хозяин из глубины «загона». Похоже, почувствовал, что одним заключением за стальной дверью дело не обойдется.

– Я – ничего, – сказал я. – А что решат они, то их право. Теперь вы с ними на равных.

После чего тремя выстрелами из «Зиг-Зауэра» сбил замки с вольеров буля, кавказца и ротвейлера. И запер дверь.

– Я никому ничего не скажу, – быстро проговорила офи-

циантка.

– Я знаю, – произнес я, уверенный, что первому же вояке, освободившему поднос-менеджера, будет вывалено всё, вплоть до того, каким узлом я завязываю шнуровку трофейных берцев.

Я быстро связал девицу её же передником, прицепил за щиколотку наручниками к ножке тяжеленного стола и воткнул в рот кляп, свернутый из какой-то пропитанной жиром тряпки – ну извините, не я виноват, что у них на кухне всё такое стерильное, а носить батистовые платки в карманах ни я, ни оглушенный пистолетом лейтенант привычки не имели.

Унюхав амбре самодельного кляпа, официантка замычала – и закатила глазки. Отъехала. Ничего страшного. Думается мне, что в связке она – Юркий – хозяин «Второго кольца» эта особа играла не последнюю роль. Так что каждому – по заслугам, но дамам, как слабому полу, – скидка.

Обезвредив таким образом тех, кто мог помешать моему отходу, я прошел вглубь кухни, где обнаружил черный ход. Его просто не могло не быть – не через зал же для посетителей загружали в вольер свежедоставленных собачек.

Наружу я вышел уверенной походкой офицера, шествующего по неотложному делу и не намеренного по пути отвлекаться на всякую ерунду. Обогнув ресторан, я направился к КПП, возле которого замер БТР-4 «Буцефал» – детище ВПК Украины. Машина грозная, гораздо мощнее своих предше-

ственников, проржавевшие трупы которых догнивают в Зоне безмолвными памятниками страшной аварии на ЧАЭС.

Вооружение БТРа – автоматическая пушка, автоматический гранатомет, крупнокалиберный пулемет и ПТРК «Конкурс-М» – при достаточной доле везения способны покрошить в винегрет роту элитных бойцов и превратить в огненный факел практически любой современный танк. При этом, насколько мне известно, машина эта эксклюзивная. Такие год назад в Украине можно было по пальцам пересчитать. И что у нее внутри, только Хозяину Зоны известно, – я их только на картинках и видел.

Но исходя из того, что с минуты на минуту либо из «Второго кольца» вывалится кто-то из пленников, либо военные сильно заинтересуются, куда подевались их товарищи, особого выбора у меня не было.

Возле бронетранспортера возились двое солдат. Один старательно подправлял кистью бортовой номер машины, второй держал банку с краской, отчаянно при этом зевая. Заприметив незнакомого летёху, решительно направляющегося в их сторону, военный захлопнул рот и что-то сказал товарищу.

Тот обернулся, сделав при этом неловкое движение, отчего кисть мазнула по борту и почти уже обновленная «девятка» превратилась в недоделанную «восьмерку».

Судя по забористому мату, выданному на смеси русского и украинского, ответственную работу художника выполнял

«дембель», за время службы так и не усвоивший, что автомат даже во время художественных работ не стоит снимать с плеча и прислонять к колесу боевой машины. Зато военный впитал другое: лейтенант – он, конечно, офицер, но по статусу для «дедушки» не особо ужасен. А уж незнакомый, только что в часть прибывший – тем более. Потому, не особо стесняясь, он вдохнул новую порцию воздуха – наверно, решил продолжить рассказ о том, что он думает о сослуживце с банкой... и задохнулся. Не то чтобы порция кислорода в легких оказалась слишком большой, просто от незаметного с виду и правильно проведенного тычка кулаком в «солнышко» человек вполне может временно потерять способность дышать и, как следствие, извергать из себя поток инвективной лексики.

Второй солдат от неожиданности открыл рот – то ли удивился, от ли заорать собрался. Выяснить мне было некогда, поэтому я просто хлопнул ладонью по доньшку банки, и густая белая краска тягучей массой залепила лицо незадачливого подмастерья.

«Художник» хрипел, держась за живот и сползая по колесу БТРа, но всё это я видел уже краем глаза. Подхватив автомат, я распахнул дверь машины, очень надеясь, что смогу разобраться с управлением.

Смог. Отделение управления не особо отличалось от хорошо знакомого мне БТР-80. И отлично. Теперь главное завестись, и чтоб баки полными были...

Машина завелась, что называется, с полоборота. Иначе и быть не могло. Хоть участок и более-менее спокойный, прикрытый от Зоны Первым кольцом, но случись после выброса новый гон мутантов, Первому может понадобиться подмога. Потому машину военные держали в постоянной боеготовности – и спасибо им за это. Глядишь, в будущем после моего урока и личный состав будет также всегда начеку.

«Буцефал» взревел двигателями и рванул вперед с прытью боевого коня Александра Македонского, чье имя он носил. Стальные ворота КПП стремительно приближались. Объехать бы их, но нельзя – наверняка вдоль ограждения Второго кольца имеется густо засеянное смертью минное поле на случай прорыва мутантов через передний край обороны. Было такое, и не раз, в истории Зоны, а военные – надо отдать им должное – весьма неплохо учатся на ошибках тех, чьи останки догнивают в Зоне либо уехали домой в цинковых гробах.

Потому выбора не было... как и стрелка в салоне БТРа, который мог бы вынести ворота одним выстрелом из пушки...

От удара машину ощутимо тряхнуло и даже ненадолго повело вправо. Но «Буцефал» свою задачу выполнил. Стальные створки сложились наружу словно картонные, а в следующее мгновение и вовсе слетели с петель. Полосатый шлагбаум за воротами, который бдительный страж зачем-то начал опускать, БТР снес словно веточку – только обломки во

все стороны полетели – и рванул вперед по накатанной широкой дороге.

Теперь вопрос был только во времени. Насколько быстро военные с КПП Второго кольца смогут предупредить своих коллег в «Дитятках». Семь километров для такой машины не расстояние. Судя по тому, как «Буцефал» летел по разбитому шоссе, он и по проселочной дороге шестьдесят километров в час выдаст свободно. Но иногда полтора километра за минуту – это очень и очень медленно...

Как всегда это бывает со мной в критические моменты, время растянулось, словно давно перемалываемая челюстями жевательная резинка. Я уже видел асимметричные треугольные крыши «Дитятки» рядом со способным держать круговую оборону кирпичным блокпостом и установленные возле тройной ограды из колючей проволоки огромные плакаты, наверняка призывающие безумцев вроде меня не пытаться проникнуть на охраняемую территорию.

А еще я видел, как неторопливо – куда ж этот псих на БТ-Ре денется? – разворачивает башню перегородивший дорогу танк, по виду смахивающий на Т-90, но в то же время с бросающимися в глаза отличиями. Сплошь закрытая броней ходовая часть, динамическая защита, похожая на пластинчатый доспех средневекового самурая... Не иначе «Оплот», еще одно детище украинской военной мысли.

Да уж, не повезло так не повезло... Танкисты не особенно суетились, практически уверенные в том, что стрелять не

придется. Ну какой идиот, пусть даже в бронетранспортере, попрет на современный танк со ста двадцатипятимиллиметровым орудием? Вон командир даже из люка высунулся посмотреть, чем всё кончится: одно дело в приборы пялиться, другое – своими глазами полюбоваться на чудо невиданное. Им, видать, уже сообщили, что неизвестный камикадзе в одиночку спёр БТР, вот и не опасался офицер получить горячий привет из боевого модуля «Буцефала», зная об отсутствии в нем командира и стрелка-оператора.

Но у меня просто не было выбора. Свернуть с дороги нельзя – увидят, что пытаешься улизнуть, просто стрелнут вслед ПТУРом, от которого – виляй не виляй – уйти не удастся. Остановить машину и сдать? Можно и так, проживешь на десять минут дольше. Выведут за стальные ворота Первого кольца и пустят пулю в затылок, или вздернут на ближайшем дереве, чтоб не тратить боезапас, – что называется, с возвращением, Снайпер, упокой тебя Зона.

Потому я и гнал машину на предельной скорости прямо на танк... орудие которого медленно опускалось, готовясь выплюнуть бронебойно-подкалиберный снаряд либо ракету, управляемую по лазерному лучу. Видать, поняли танкисты, что сворачивать я не собираюсь, и решили не рисковать.

Правда, решили поздно...

Танк тряхнуло, из ствола орудия вырвался дымок... но наблюдал я всё это уже в полете, покинув кабину БТРа за мгновение до выстрела. Кстати, весьма болезненное это дело –

прыгать из машины на полном ходу, даже для тренированно-го тела, и без участия мозга умеющего рефлекторно кувырк-ом гасить удар об землю.

Я покати́лся в придорожные кусты, словно перека́ти-поле, гонимое по траве приближающимся выбросом. Не по новой мутировавшее квазимясо, а легкий шар из высохших стеб-лей – хотя, думаю, и мутанту от выброса не поздоровится, если не успеет забиться в какую-нибудь нору...

Ну вот, опять мысли ни к селу ни к городу во время само-го что ни на есть экстрима. Хотя чем еще заниматься, когда тело само знает, что ему делать?..

Ну и киноплёнка времени, как обычно, опять распа́дает-ся на отдельные кадры, которые потом – если выживу, ко-нечно! – так и будут вспоминаться аляповатыми картинками словно бы чужой жизни, но никак не моей. Потому что дале-ко я не герой фантастического боевика, чтобы с пистолетом на танк переть. Но когда кроме пистолета ничего за душой нет, то что еще остается делать?

Итак, совершив двойной перека́т, я вышел в положение стрельбы с колена, держа в руках всё тот же «Зиг-Зауэр» – кобуру с «Фортом» расстегивать – это целых полсекунды, а у меня их не было. Автомат остался в БТРе – и зачем, спра-шивается, с собой тасил? Привычка, наверно, надо не на-до хватать бесхозное оружие – вдруг пригодится? Сейчас не пригодилось.

Тем более что сожалеть было не о чем. Трофейного ав-

томата уже не существовало в объективной реальности. Он вместе с «Буцефалом» превратился в грудку металла, раздираемую огнем... которая всё же по инерции, разваливаясь на ходу, продолжала лететь прямо на танк.

Конечно, «Оплот» был рассчитан на гораздо более серьезные атаки, и вряд ли чем могла ему повредить куча останков уже фактически уничтоженного БТРа. Но, с другой стороны, водителя можно было понять: летящая на тебя масса огня и металла не вызывает желания познакомиться с нею поближе. Да и стоимость танка в несколько миллионов американских долларов обязывает военнослужащих холить и лелеять вверенную им технику, а не экспериментировать, подставляя ее под удар разодранного взрывом БТРа.

Короче, танк попятился назад, причем довольно резко. Командир, осознав, что может получить осколок промеж глаз, попытался нырнуть обратно в недра башни... но сделал это недостаточно быстро. «Зиг-Зауэр», уже пристрелянный мной по замкам собачьего вольера, выплюнул кусочек свинца – и танкист сполз внутрь башни, не успев отдать команду водителю немедленно прекратить позорное бегство с поля боя.

Потому что любое бегство чревато последствиями.

Например, сейчас задняя часть танка въехала в ворота, которые от удара многотонной машины просто рухнули плашмя внутрь Зоны.

Путь был открыт.

Я стартанул с места, словно спринтер, твердо решивший повесить себе на шею олимпийскую золотую медаль. Правда, у меня была более существенная мотивация: в случае, если я не преодолею дистанцию за отведенное время, вояки просто-напросто приговорят меня к высшей мере без суда и следствия и тут же приведут приговор в исполнение.

Я видел, как из обоих зданий блокпоста выбегали военные, и их многоэтажный мат, адресованный танкистам, был мне отлично слышен – не так уж далеко от комплекса зданий «Дитяток» совершил я свое десантирование. Метров двести-триста, не больше. И я несся по пересеченной местности со скоростью чемпиона по бегу на короткие дистанции – а может, и быстрее, попутно представляя, как это выглядит со стороны. Летёха с длинноствольным пистолетом в руке чешет на всех парах по полю. Откуда чешет? Зачем?

– Он здесь! – заорал я дурным голосом. – Держите, а то в Зону уйдет!

Текст был безыскусен и понятен. Кто «здесь» и куда должен «уйти», никто не переспрашивал. Танк сдал вперед, освобождая проход в ограждении, и отделение военных числом десять человек просочилось в брешь, проделанную танком. Правда, в Зону они идти не спешили, ждали приказа вышестоящего начальства. А может, просто боялись – территорию за ограждением вряд ли можно было считать безопасной для моциона даже при наличии автомата в руках.

– За ним! – заорал я, сжигая последние остатки воздуха

в легких.

Вояки растерянно крутили одинаковыми шлемами «Сфера», надеясь получить более четкие указания. Вроде через пролом никто не пробежал, но в то же время летёха не зря же так разоряется.

Из кирпичного здания слева выскочил заспанный майор, на ходу расстегивая кобуру.

– Чё такое, нах?! – рыкнул он. – Чё за нах творится? Кто, мля, ворота повалил, уррроды?!

– Он там! – ткнул я стволом пистолета в мрачный, безжизненный пейзаж за забором, пробегая мимо.

– Этот урод командира нашего завалил!!! – подлил масла в огонь стрелок, высунувшись из люка. – Держите его, мужики!

Стрелок сыграл мне на руку. Военные, наконец решившись, рванули в Зону через пролом, я же, немного поотстав, вовремя обернулся.

Танкист, положив локти на броню, целился мне в затылок из табельного пистолета. Из пулемета, что ли, не сообразил полоснуть или своих очередью боялся задеть? Или осознав, что не осколок образовался во лбу командира танка, а аккуратное пулевое отверстие, он понял что-то, а что именно понял – пока не осознал. Бывает такое. Шок от событий, которые происходят слишком быстро, одно за другим. Тем не менее выяснять, с чего это стрелку «Оплота» пришла в голову блажь поупражняться в стрельбе из пистолета, я не стал, а

просто отработал на опережение. Уж извините, люди, но когда вы пытаетесь убить меня, я делаю то же самое, но обычно немного быстрее. К тому же не я затеял эту заварушку. Глядишь, не докопайся до меня в ресторане ваши коллеги, полз бы я сейчас тихо-мирно по минному полю и никого не трогал. Но, видать, не судьба.

Стрелок стёк внутрь башни, повторив путь своего командира. Я же рванул в Зону вслед за военными.

– Туда! – показал я на темную стену леса крайним в цепи солдатам, которые осторожно приминали берцами серую траву Зоны, словно каждая травинка была стальным шипом, способным пробить подошву вместе со стопой. И быстро пошел в указанном направлении.

– Вот сам туда и иди, – услышал я тихое напутствие в спину. – Чокнутый, блин...

– Лейтенант, куда?

Я узнал рык майора. Плохо. Если он что-то понял, до леса не дойду – десяток автоматов превратят меня в дуршлаг раньше. А осталось-то до спасительных деревьев всего ничего – пара десятков шагов.

– Трусишь, майор? – бросил я через плечо, не останавливаясь. – Там скрылся государственный преступник. Причем по твоей вине!

– Да как ты разговариваешь, щенок, мля, йоханыйтынах?! По моей вине? Да я тебя...

Пять шагов...

Спасибо тебе, майор, за то, что у тебя такой громкий голос, которым ты умеешь ругаться длинно и забористо, заглушая недоуменные вопросы подчиненных на тему, с какой это радости незнакомый летёха вот так запросто уходит в Зону. Правда, ругаешься ты зря. Ведь это действительно по твоей вине я сейчас иду туда, куда ты не сунешься никогда – потому что и вправду трусишь. Ты, как и твои подчиненные на кордоне, отчаянно боишься этой относительно небольшой тридцатикилометровой территории, где путь очень часто измеряется не километрами, а днями, в течение которых ты проходишь гораздо большее расстояние... и порой остаешься на месте до тех пор, пока не станешь добычей мутанта, аномалии или бандита-мародера. Ты заливаешь свой страх дешевой водкой, скрываешься от него за дымом сигарет, набитых дурью, и заглушаешь его собственным рыком. Но он навсегда останется с тобой, даже если ты уедешь отсюда далеко и навсегда. Потому что Зона не приняла тебя. Ты чужой для нее, и никогда ты не скажешь ей, дотронувшись до коры дерева, изуродованного радиацией и аномальной энергией выбросов:

– Ну здравствуй, Зона. Ты звала меня – и вот, я вернулся.

* * *

Понятное дело, что военные за мной в лес идти не рисковали. Резанули для порядка по чащобе парой очередей и

на этом успокоились. Мне было проще – я шел какими-то практически невидимыми тропками, словно был здесь не в первый раз, узнавая то, чего ни разу в жизни не видел. Монумент, сверкающая в недрах Саркофага Машина желаний, вернул мне память о прошлом, но в ней иной раз обнаруживались существенные провалы. Например, убейте меня на месте, не помнил я, чтобы мне доводилось шастать в этом районе, но при этом я знал его как свои пять пальцев. И уверенно шел вперед.

Высоченные деревья смыкались над моей головой, гася кронами солнце, но свет мне не был особенно нужен. В полумраке чащи я чувствовал себя как дома... Интересная мысль. Как дома я чувствовал себя с того момента, как пересек границу Зоны. При том, что дома у меня никогда не было. Можно было, конечно, с натяжкой назвать этим словом бунгало на острове, где я прожил около года, но не было у меня там такого ощущения умиротворения и душевного равновесия, которое поселилось в моей душе четверть часа назад.

Понемногу лес начал редеть, нехотя пропуская сквозь зеленые пальцы ветвей блеклый свет пасмурного дня. Он всегда пасмурный в Зоне, другого не бывает. И, как я понял только сейчас, другого мне и не нужно.

Наконец лес расступился, и я вышел на опушку, посреди которой возвышался холм. Холм сильно смахивал на летающую тарелку, приземлившуюся здесь в незапамятные вре-

мена и успевшую густо обрасти мохом, травой и сорняками. Обычный человек прошел бы мимо, в пяти шагах ничего особенного не заподозрив: холм и холм, на который помимо всего прочего ветры Зоны нанесли всякой дряни – опавших листьев, сухих веточек, а также мелкого мусора, выметенного с улиц недалекой заброшенной деревни. Даже неполный скелет мутировавшей собаки валялся на склоне, недобро скалясь всё еще зубастыми челюстями.

Опытный же сталкер, немало повидавший на своем веку, отметил бы правильную геометрию этой странной возвышенности, её тактически грамотное расположение, позволяющее контролировать территорию как минимум в радиусе двухсот метров, отсутствие посторонних предметов в границах этой территории, за которыми можно было бы укрыться, а также утоптанную тропинку, ведущую к холму и пропадающую точно возле его подножия.

Я засунул «Зиг-Зауэр» за пояс и медленно пошел к холму, давая гипотетическим наблюдателям возможность убедиться, что я один и фактически без оружия – даже самый мощный пистолет в Зоне считается оружием лишь условно. Как раз до той поры, пока бедолага не поймет, что карманная артиллерия хороша лишь для того, кто твердо вознамерился при первой же возможности пришить более удачливого коллегу, чтобы завладеть его более эффективным оружием. Потому в Зоне к человеку с пистолетом относились настороженно и могли даже не пустить к костру – поищи-ка, мил

человек, себе нормальную снарягу в другом месте, а потом заходи в гости.

Присмотревшись к холму с расстояния в двадцать шагов, уже можно было разглядеть длинные линии амбразур, тянувшихся по всему периметру отлично замаскированного ДОТа. То, что это именно он, с близкого расстояния сомнений не вызывало. Маскировочные сети, искусно натянутые по всей его площади и покрытые импортными имитаторами растительности, могли обмануть лишь новичка или военного, не совавшего своего носа дальше пятидесяти шагов от периметра. Тех же, кто обманываться не хотел и желал проверить, с какой это целью в километре от границы Зоны выстроена долговременная огневая точка, были готовы встретить пулеметы, дульные срезы которых уже угадывались в темноте амбразур. Более того, замаскированный бронеколпак на вершине ДОТа в случае атаки «вертушек», вне сомнений, тоже был полон сюрпризов для нежеланных гостей.

Обогнув укрепление, я встал перед тем местом, где оканчивалась тропинка. Мигнул красный глазок видеокамеры, зажужжали сервомоторы, и в сторону отъехала тяжелая зеленая дверь, открывая вход в недра «холма».

За дверью обнаружился узкий коридор и ступеньки, ведущие вниз. По стенам коридора вились кабели, под потолком тускло мерцали – надо же! – импортные стеклянные плафоны. Помнится, в прошлый раз на их месте торчали засиженные квазимухами тюремные фонари. И вонь в том коридоре

стояла жуткая, и мусора по углам было рассовано – хоть экскаватором разгребай. Сейчас же – подумать только! – лишь краской пахнет от стен, свежевыкрашенных в цвет хаки. И ни намека на хлам, чистота как в операционной.

– Какое всё зеленое, – тихонько пропел я себе под нос на мотив песенки из мультика моего детства, спускаясь по ступеням. – Какое небо синее, какое солнце желтое.

За моей спиной чавкнули хорошо смазанные автоматические засовы. Коридор повернул налево, еще раз налево – и я уперся во вторую бронированную заслонку. Шлюз, однако. А вон решетка вентиляции, которую динамитом не выломаешь. И если посетитель будет вести себя плохо, то скрытые вентиляторы начнут крутиться в другую сторону, а невидимый поборник правил хорошего тона повернет кран на баллоне с намалеванными на нем черепом с костями. Вон в углу пустой такой же стоит, только красный и без черепа. Но это я так, фантазирую. На самом деле всё наверняка будет намного проще, без дорогого отравляющего газа и ненужных спецэффектов – в двери откроется вон то маленькое окошечко, и в случае, если хозяину холма не понравится вблизи рожа посетителя, того банально пристрелят, а после скучно и без почестей утопят в недалеком болоте.

Но, видимо, моя физиономия показалась владельцу подземной крепости достаточно благонаправной. Вновь зажужжали скрытые механизмы, открывая мне путь в святая святых. Я перешагнул порог – и чуть не уперся носом в решетку, пе-

регораживающую помещение наглухо от пола до потолка.

– Ну здравствуй, Петрович, – сказал я.

– Здрóво, Снайпер, – невозмутимо произнес седовласый крупный мужик, сидящий за решеткой. Вернее сказать, сидел он не только за решеткой, но еще и за столом, на котором находились древний, как сама Зона, радиоприемник, настольная лампа, какие выпускали еще во время Второй мировой, и современный ноутбук с изображением огрызка яблока на крышке. – Вернулся?

– Типа того, – сказал я.

– Хабар принес? – прищурился торговец. – Или так, в гости по старой памяти?

– И то и другое, – произнес я, последовательно просовывая в специальное отверстие решетки «Форт» в кобуре и запасной магазин к нему.

– Неплохой товар, – хмыкнул Петрович, быстрыми и четкими движениями проверив пистолет. – Ствол почти с нуля. Но сам знаешь, в Зоне «плетки» не котируются. За нее я дам тебе...

– За эту «плетку» ты легко выручишь две тысячи. Отдам за половину.

Петрович крякнул и посмотрел на меня с уважением.

– Тыща тугриков? Годится, – хлопнул он по столу ладонью за неимением возможности пожать руку продавцу. – Молодец. А то в последнее время местные сталкеры только что консервные банки не собирают и не таскают на продажу. Мо-

жет, еще что? – поинтересовался он, не спеша отдавать деньги. – Нож твой, например, продать не надумал?

– Ствол есть нормальный? – спросил я, игнорируя глупый вопрос насчет «Бритвы», на которую Петрович, помнится, положил глаз еще в прошлую нашу встречу.

– Ну, это смотря что считать нормальным стволом, – протянул торговец. – ТОЗ-34 могу продать, подержанный слегка, но сам понимаешь...

– А посерьезнее?

– Посерьезнее нет ничего, – отрезал торговец настолько решительно, что я понял – есть, но не для небогатых сталкеров прикордонья, в большинстве своем опасующихся лезть глубоко в Зону.

Я достал из кармана пачку розовых бумажек и покачал ею в воздухе. Если честно, это были мои последние деньги. За год с лишним жизни на пальмовом острове я ни в чем себе не отказывал: яхта, машина, дорогие туры по миру, мелкие безделушки с крупными ценниками для моей любимой... Вследствие чего, даже несмотря на солидную зарплату от Захарова, миллион с лишним евро как-то сам собой рассосался. Если жить на широкую ногу, не думая о будущем, то со временем так или иначе жизнь по-любому загонит тебя в узкие рамки действительности.

– Здесь без малого сто тысяч евро, – сказал я. – И мне не нужно слегка подержанного барахла, Петрович. Все только новое и самое лучшее, включая снарягу, жратву и информа-

цию...

* * *

В результате яростных торгов в подземном бункере, продолжавшихся больше часа, я стал обладателем новенького камуфляжа «флора» – одежда с чужого плеча не радовала. Также я разжился грамотными берцами для тех, кто хоть немного смыслит в рукопашке: ударопрочные подносок и задник, рант окован сталью и покрашен под цвет верха. Помимо этого приглянулся мне сталкерский комбинезон со встроенным бронежилетом. Ну, и сверху на всё это как влитой пришелся неполный – для экономии веса – набор индивидуальной экипировки «Танкер», включающей в себя боевой разгрузочный жилет и рюкзак, укомплектованный универсальным набором для выживания вместе с трехдневным рационом.

Также, несмотря на отговорки, нашелся у Петровича и эксклюзив – ружье магазинное боевое с пистолетной рукоятью РМБ-93. Правда, с патронами к нему оказалось негусто – всего две пачки, но зато каких... Всё вместе с носимым боекомплектom, конечно, получилось неслабо что по деньгам, что на подъем. Но если хочешь выжить в Зоне, не стоит пренебрегать даже самым малым, но необходимым предметом инвентаря. К тому же давно известно, что своя ноша не тянет.

Применительно к тезису малого, но необходимого поинтересовался я у Петровича о наличии в его арсенале гранат «Заря-2».

– Чего нет – того нет, – покачал головой торговец. – Народ у нас всё больше оружием интересуется, а не фейерверками.

Почесав в затылке, я назвал ему некоторое количество альтернативных ингредиентов. Петрович выпучил глаза.

– На фига тебе эту дрянь с собой таскать? Если от нашей жратвы отвык и поноса опасаясь, то возьми энтеросорбент из армейской аптечки, самое то.

Но я всё-таки настоял на своем, и Петрович, поворчав, приволок мне необходимое, а потом еще десять минут в ехидной форме комментировал мои манипуляции, явно недоумевая, зачем человеку с двумя современными стволами понадобилось этакая средневековая хрень.

Я и сам не знал, понадобится ли мне то, что я собрал на стойке торговца. Рецепт этих штукювин полгода назад мне скинул по Интернету Виктор по прозвищу Японец, который как-то чуть не пристрелил меня на Земле наймитов, а после одумался и неслабо подсобил в одном деле. Испытать рецепт на острове было всё как-то недосуг, да и незачем, но уже тогда думалось мне, что он мог бы пригодиться в Зоне. И сейчас вот пришло на ум – пусть будет. Чисто на всякий случай.

Результаты своих трудов я рассовал в свободные подсумки для гранат, внутри которых имелись металлические кольца. Для моих девайсов практического значения они не име-

ли, а вот для прикупленных у Петровича четырех РГДшек пригодились. К кольцам я пристегнул карабинами шнурки, свободные концы которых прикрепил к кольцам гранат. Если знаешь, что с минуты на минуту будет горячо, свёл усики РГД – и экономь по полсекунды на каждый бросок. При выхватывании гранаты из подсумка чека автоматически выдергивается таким шнурком, что помимо всего прочего позволяет бросать ее одной рукой.

В общем, упаковался по полной. Не экзоскелет на плечах, конечно, и не американский хайтек-стрелковый комплекс в руках, но для начала весьма и весьма прилично.

Но дороже любого эксклюзивного ствола или комбеза обошлась мне информация.

– Расскажешь, чего новенького в Зоне произошло, пока я в отпуске был? – поинтересовался я, подгоняя под свою немного поплывшую талию поясной ремень разгрузки.

– А что конкретно интересует? – осторожно поинтересовался торговец.

– Много чего, – отозвался я. – Например, где можно найти Юркого. Или кому могло понадобится натравить на меня звено боевых вертолетов. Или, скажем, где найти Черного Сталкера, который недавно объявился в Зоне...

– Я в чужие дела не лезу, – довольно грубо прервал меня Петрович. – Вали-ка ты отсюда, сталкер, на повышенной скорости.

Я не стал пререкаться с хозяином бункера, тем более что в

темноте за его спиной шевельнулись, наводя на меня стволы, два неподвижных доселе манекена, обряженных в тяжелые армейские бронекостюмы. Вместо этого я достал из кармана разгрузки оставшиеся деньги – чуть больше половины пачки – и бросил их в щель решетки. Петрович продолжал что-то бурчать себе под нос по инерции, но заметно тише, так, что разобрать слова было невозможно. Под конец упаковка розовых горчичников оказала свое терапевтическое действие, и торговец, которого небеспочвенно в Зоне прозвали Жмотпетровичем, прекратив изображать из себя закипевший чайник, бросил короткое:

– Спрашивай.

Я повторил вопрос.

– Юркий к Припяти подался, у него на «Скадовске» что-то типа базы. Но он тебя воякам не сдавал. Официантка с хозяином «Второго кольца» ссучились, и Юркий сам еле ноги из того кабака унес. Насчет вертолетов точно не знаю, но думаю, что ты достаточно пиндосам год назад нервов попортил, чтоб они не забыли о твоём существовании. К тому же у Перевозчика новый заместитель объявился, который на вас с Меченым зуб имеет. С чего – не знаю, но фанатики Монумента за вас с ним сотку зеленых назначили. За каждого.

– Было уже такое, и не раз, – хмыкнул я. – Нам не привыкать.

– Смейся-смейся, – проворчал Жмотпетрович. – Зона и так уже почти вся под «Монументом», еще немного – по-

другому запоете. Что ты, что борги с вольными...

– А что насчет Черного Сталкера? – перебил я ворчание торговца.

– В последний раз его видели недалеко отсюда, на болотах, – сказал Жмотпетрович. И отрезал: – Всё. Больше ничего не знаю.

Ну что ж, на нет и суда нет. В принципе, за свои деньги я получил то, что хотел. Остальное зависело только от меня.

Я попрыгал на месте, проверяя, не звенит ли где чего и не болтается ли. Не звенело и не болталось, вследствие чего я сделал вывод, что если я и подрастерял боевую сноровку на своем острове, то лишь совсем чуть-чуть. Военная подготовка – это ж как на велосипеде кататься: прошел один раз, расплатившись за науку потом и кровью, – и уже не забудешь. Поэтому и говорят, что бывших сталкеров, как и офицеров, не бывает. Хотя в этих местах про офицеров лучше лишний раз не упоминать во избежание непоняток со сталкерской братией.

– Ты, если что, заходи, не стесняйся! – сказал мне вслед Жмотпетрович, улыбаясь, словно кот, дорвавшийся до деревенской сметаны. Еще бы, сегодня он, наверно, годовой навар за мой счет приподнял. Но то его барыжное дело. Главное, что сейчас у меня было всё необходимое для того, чтобы выполнить задуманное. Надеюсь, личная удача тоже не оставила меня – ведь без нее в Зоне все твои лихие задумки первая же аномалия превратит в пыль. Вместе с тобой,

разумеется.

* * *

Невдалеке от логова Жмотпетровича виднелись проваленные крыши Андреевки – покинутой жителями деревни, в которой как-то заловила меня, спящего, местная шантрапа. Неприятные впечатления, хотя можно сделать скидку на то, что в те времена мой мозг был стерилен, словно скальпель хирурга – резать-кромсать готов, а больше ни на что не пригоден.

Тем не менее деревню я аккуратно обошел и двинулся на запад, к болотам.

Конечно, близость к Периметру несколько напрягала – пару раз видел я, петляя оврагами, верхушки сторожевых вышек. Но, с другой стороны, оно отчасти было и на руку. Пуганные пулеметами и минами мутанты предпочитают соблюдать безопасную дистанцию, а уж бандиты-мародеры и по давню стараются от Периметра держаться подальше. Так что до болот я дошел без приключений, если не считать таковым преодоление речушки с красивым названием Вересня по практически сгнившему деревянному мостику.

Но не судьба была мне сегодня искупаться в отравленной воде. Спрыгнув на берег, я обернулся, послушал, как недовольно скрипят доски моста, потревоженные моим весом, и заодно проверил, не сел ли мне кто на хвост. Да нет, вроде

чисто. Тишина вокруг – аж на уши давит. Отвык я от такого. Когда больше года постоянно слышишь, как шелестят волны и широкие листья пальм, мертвая тишина Зоны кажется жуткой и зловещей.

Здесь нечему шуметь. Тут слишком давно все умерло. Или же ранено тяжело и смертельно и доживает своё тихо, незаметно, без стонов... Чтобы не услышали и не добились.

Тихая серая трава. Замершие, навеки переставшие расти деревья без листьев – либо с рыжей листвой, из которой в восемьдесят шестом раз и навсегда испарилась вода. И тихие тени в траве и между деревьями, которые иногда разрывают эту тишину нечеловеческим ревом либо грохотом выстрелов. А потом снова всё тихо. Как в могиле. Огромной, одной для всех – и для монстров, и для людей, грызущихся в ней словно мутировавшие могильные черви за кусок мертвечины...

За размышлениями я и не заметил, как кусты, трава и деревья сменились зарослями камыша и тростника высотой в рост человека.

Болота... Гиблое место. Радиоактивные топи, притаившиеся за стеной мутировавшей растительности. Шаг в сторону – и радиометр начинает трещать словно пулемет. Хорошо, что в КПК встроена карта местности, иначе заблудиться здесь – пара пустяков.

А ведь когда-то на этом месте никаких болот не было, и люди здесь жили. То и дело попадаются в этом камы-

шово-тростниковом лабиринте развалившиеся деревянные строения. И кирпичные порой попадаются, причем в довольно приличном состоянии. Строили люди, надеялись на светлое будущее. А вместо него раненая земля после аварии стала истекать отравленной водой, словно ядовитой кровью. И с тех пор живут в этих местах лишь дикие кабаны да бандиты, скрывающиеся от правосудия и справедливого гнева сталкеров. Обычные трудяги Зоны редко сюда суются: артефактов мало, а вот нарваться на пулю или сгнуться в болоте – проще простого.

Правда, мало и аномалий. Наверно, это из той серии, что даже когда всё очень плохо, хоть какой-то просвет должен быть. Ну, вот и шел я по этому просвету меж монолитными стенами толстого камыша, похожего на плотный частокол копий, вонзенных в полужидкую почву.

Интересно, как я здесь буду искать так называемого Черного Сталкера? Так ведь можно по болотам до скончания века ходить, пока сам призраком не станешь. Или зомби – как вариант. Чего-чего, а вариантов такого рода Зона может предоставить желающим предостаточно...

Судя по карте, прямо по курсу должен был находиться остров неслабых размеров. Я уже битый час таскался по этому месиву, выдирая ноги из грязи, что мне порядком надоело. Хотелось обсушиться, зажевать сухпай и прикинуть дальнейшую стратегию. Ибо теперешняя разонравилась мне окончательно. Даже мои непромокаемые берцы с гарантией

от проникновения воды внутрь возмущенно хлюпали стельками. Что уж говорить про их хозяина, поотвыкшего под южным солнцем от концентрированного экстрима Зоны.

То, что я несколько расслабился за последнее время, было для меня уже очевидно. Я выбрался на практически круглый остров, имеющий в диаметре метров двадцать, успел обрадоваться наличию в его центре оборудованной стоянки с укрытием от дождя... и слишком поздно заметил, как немного отклонился в сторону толстый стебель камыша, внося едва уловимую дисгармонию в общий вид окружающей флоры.

Но я все же успел броситься на землю, и горячая пуля лишь коснулась кожи на моей шее. Ощущение не из приятных, словно паяльником приложили.

– Вот сука! – прорычал я, перекатом уходя за толстенное бревно, предназначенное для того, чтобы путники могли мирного посидеть у костра. Таких бревен, положенных не встык, было четыре. Меж ними оставлены проходы, а в середине четырехугольника – гора потухших углей. И я собственной персоной брюхом на этом кострище. Хорошо еще, что угли давно прогорели и остыли, а то бы сразу с ходу и запекся в золе, словно картофеляина в камуфлированном мундире.

Стрелявших было несколько, судя по разочарованным голосам – не больше пяти человек.

– Мля, зашхерился, урод! – протянул стрелок, явно рассчитывавший на блицкриг.

– Это не он урод, а ты косой, – резюмировал второй голос. – С десяти шагов в тело промазал.

– Я косой? – взвился незадачливый охотник на исследователей болот. – Да ща я его...

«Ща» не получилось. Поверх бревен я внимательно следил за тем, как шевелятся верхушки камыша. И когда в одном месте они зашевелились несколько интенсивнее, не высовывая головы поднял свой РМБ-93 и выстрелил.

Истошный, почти пороссячий визг разнесся над болотами.

– Мля, бродяги, я маслину словил! – заходился в крике подстреленный. – Урою на хрен, козлина!

– Сейчас еще десяток отсыплю, – пообещал я из-за бревен.

Расчет был не убивать бандита – иначе бы меня точно живым не выпустили – а показать болотным грабителям, что они пытаются проглотить кусок, который им явно не по зубам. О чем я им и сообщил.

– Эй, братва, может, разойдемся краями? Какой вам интерес маслины своей шкурой отлавливать? Реально больше потеряете, чем возьмете.

– Мы свое полюбасу возьмем, – донеслось из камыша. – А вот твой интерес пиковый, фраер. И попал ты конкретно. Потому скидавай хабар и снарягу, подымай грабли и выходи. Тогда не тронем. Можешь пёхом на кордон отправляться и сдать воякам. Срок получишь, зато живой. Как тебе такой расклад?

– Не катит, – отозвался я.

– Тогда смотри, какие козыри у меня в рукаве заныканы.

Вслед за этими словами со стороны камышей в воздух взлетели четыре черные точки. Две из них я успел сбить из ружья, но две упали точнехонько рядом со мной. В голове промелькнули строки из Семена Гудзенко, прочитанные в каком-то военном журнале: «Мне кажется, что я магнит, что я притягиваю мины...»

Рядом со мной лежала пара черных «эфок», поблескивая свежей краской на ребристых черепаховых спинках. Если бы гранаты были не учебными, то из меня б сейчас получилась эдакая долма – мясной фарш в обрывках камуфляжа вместо виноградных листьев. Правда, полностью бесполезная в плане трофеев – взрывы разодрали б на части и разметали по болоту всё, что имело хоть какую-то ценность для бандитов. Потому с экономической точки зрения данное предприятие было абсолютно бессмысленным. Отсюда и учебные, а не настоящие гранаты, которые, наверно, от нечего делать бандюки наострились метать на удивление точно. И выяснять, есть ли у них в наличии настоящие Ф-1, крашенные зеленой краской, желания у меня не было ни малейшего.

– Ну что, фраерок, убедили мы тебя?

В издевательском голосе бандита слышались победные нотки.

– Еще как! – отозвался я, доставая из разгрузки девайс собственного изготовления, а из кармана штанов зажигаю-

ку. – А точно отпустите?

Фитилек занялся сразу – Жмотпетрович хоть и тот еще фрукт, но товар у него всегда качественный.

– Зуб даю! Ты только давай выходи, не задерживайся.

Я прям почти увидел, как несколько пар глаз выжидательно смотрят сейчас на эти бревна поверх целиков своих ружей, пистолетов или чего еще там у них было. Ждущий всегда получает что-то... правда, иногда не совсем то, чего он ждал. Ну, я и не обманул надежд бандитов, подбросив сверху продукт собственного изготовления, одновременно плотно зажмуривая глаза и широко открывая рот.

Помогло всё это не очень. Жахнуло так, будто дала залп целая батарея орудий береговой обороны. И вспышка нестерпимо яркого света резанула по глазам даже через веки. Но это всё было вторично. Главное что у меня появилось несколько секунд – бесценная валюта, на которую иногда можно купить целую жизнь.

Помимо грохота и вспышки девайс выдал существенное облако черного дыма, из которого я и вывалился, словно демон из ада, паля из своего РМБ.

Я нисколько не пожалел, что выложил Жмотпетровичу лишние полсотни евро за улучшенные патроны, производимые народными умельцами в Зоне – и только в Зоне. Патронов с пулей двенадцатого калибра весом 37,8 грамма не встретишь в магазинах на Большой земле. Их льют там лишь редкие кустари – любители пощекотать себе нервишки охо-

той на крупного зверя с гладкоствольным ружьем – типа, шансы уравнивают. В Зоне же такие патроны производят намного чаще, ибо охота здесь идет на зверя куда более опасного, чем тигр или медведь. Зато в бою на дистанции до тридцати метров по мощности вряд ли какой ствол сравнится с магазинным боевым ружьем девяносто третьего года выпуска, заряженного такими патронами...

Выстрел в грудь опрокинул на спину тощего бандита, решившего добыть свое счастье при помощи выдавшего виды пистолета Макарова. Кувыркнувшись в воздухе, тусклый от потертостей пистолет улетел в болото. Убогая броневая защита куртки его хозяина вмялась в тело, разворотив осколками стальных пластин грудную клетку. Неприятная картина, когда видишь, как окровавленные сломанные ребра вылезают наружу, пробив плотную черную кожанку. Потому я быстро повернул ствол и выстрелил дважды подряд. Дважды потому, что, когда в тебя целится из обрезамбал весом центнера в полтора, лучше перестраховаться.

Казалось, две дыры в объемистых телесах бандита не впечатлили, разве что прицел сбили. Владелец обрезамборщился – вот, мол, незадача! – и вновь вскинул оружие, намереваясь завершить начатое. Но я выстрелил в третий раз на полсекунды быстрее, стерев свинцовым ластиком морщины с мясистого лба вместе с самим лбом. Вероятно, мозгов в обширном черепе было немного, так как киношных спецэффектов тяжелая пуля не произвела. Просто на месте верхней

части головы бандита образовалось что-то неприятно-багровое, отчего он, издав нижней частью что-то похожее на «мля...», подогнул колени и медленно завалился на бок.

Всё это я фиксировал боковым зрением без участия сознания. Да и времени эти два незначительных в истории Зоны события заняли от силы секунды полторы – как раз хватит, чтобы трижды в максимальном темпе дослать очередной патрон в патронник ружья. С учетом того, что до начала вооруженного столкновения один патрон уже был в патроннике РМБ, у меня оставалось еще три шанса отбиться от болотной нечисти. Но расстрел амбала занял у меня слишком много времени – иногда полторы секунды это непозволительная растрата самой ценной в Зоне валюты...

По моей ноге ударила бейсбольная бита – во всяком случае, ощущения были один в один. Не сказать, что больно, скорее тупо, сильно и обидно. Молниеносно порванные нервы не в состоянии отослать в мозг адекватный сигнал о размерах ущерба. Просто у тебя вдруг ни с того ни с сего подламывается нога, и ты, проклиная на чем свет стоит собственную медлительность, валишься в грязь, в процессе всё-таки успевая нажать на спуск...

Третий бандит особыми габаритами не отличался, зато голос имел омерзительный. Только сейчас я осознал, что так сильно давило мне на уши все долгие две секунды перестрелки. Оказывается это был продолжительный вой третьего: – Воо-от!!!... оон!!!... сууу-к...

Последнюю гласную голосистый бандюк выкричать не успел, поймав пастью круглый свинцовый шарик, в шесть с половиной раз превышающий весом пулю «макарова». В результате ему просто вынесло шейные позвонки вместе с частью затылка, что на этот раз смотрелось вполне кинематографично – открытый рот, через который можно как в телескоп без стекол рассматривать достопримечательности Зоны.

Но я не настолько садист, как некоторые современные любители киношных спецэффектов. К тому же Зона не кино, а объективная реальность, в которой еще оставались в живых два любителя легкой наживы. Один скулил мерзко и протяжно где-то в камышах, а другой, неожиданно вынырнув из дыма, созданного моей же петардой, сильным ударом ноги выбил ружье из моих рук. После чего выматерился непечатно и осклабился, показав желтые пеньки прокуренных зубов.

– Хорошо стреляешь, фраер, – сказал он, держа меня на прицеле своего автомата Heckler & Koch MP5. – Долечку мою впятеро увеличил, благодарствую. Да только вот одному мне всё не унести, так что придется тебе попотеть, прежде чем я тебя уважу. Так что не дергайся и грабки свои лучше к ножу не тяни, а то придется мне всё одному до схрона переть.

В недешевом коричневом пыльнике, эдаком местном спецварианте плащ-палатки, бандит смотрелся весьма импозантно – хоть обложку для книги с него рисуй. Высокий, плечистый, маска-омонок на морде, перчатки без пальцев,

край броника из-за расстегнутого ворота выглядывает... Не иначе вожак стаи... без стаи. Впрочем, набрать сброд, который со всего света в Зону тянется за длинным деревянным рублем ценою в евро, насовать им в жадные лапы заляпанное чужой кровью оружие и сказать «фас!» – дело нехитрое для профессионала. Главное, чтоб было кому потом хабар до схрона допереть, а то самому в ломы.

Правда, носильщик сейчас из меня был неважный – ногу я не чувствовал, не иначе бедренный нерв пулей перебило. Но знать вожаку это было не обязательно. Секунды текли медленно и размеренно, как всегда бывает на границе между жизнью и смертью. Секунды моей жизни, за которые я должен, нет, обязан был придумать что-то, что помешает бандиту выдавить до конца слабинку спускового крючка.

Но, как назло, в голову ничего не приходило. Судя по тому, как этот болотный упырь держал автомат, как он стоял, правильно распределив вес тела, как обстановку вокруг умудрялся сканировать, не забывая контролировать меня, и, наконец, как в мной же созданное облако в перестрелке нырнуть догадался, было ясно: за плечами этого автоматчика неслабый опыт боевых действий. Дернуть – сто процентов пристрелит и не задумается.

– Вставай, фраер, хватит валяться, – мирно и как-то даже буднично сказал бандит. – Три секунды тебе на подъем. А если нога не позволит – не обессудь, значит, считай, что сегодня тебе конкретно не повезло...

То, что мне не повезло сегодня, – это он как в воду глядел. Правда, ему не повезло больше.

Дым над островком почти рассеялся, но «почти» – это не рассеялся полностью. Во всяком случае, его концентрации вполне хватило для того, чтобы ни я, ни автоматчик не смогли разглядеть тоненькой цепочки, которая вдруг вылетела из мутной пелены над старым кострищем. Она быстро захлестнула ствол автомата, после чего немецкая машинка прославленной оружейной фирмы моментально вылетела из рук бандита.

Тот, не ожидавший такого поворота событий, повернулся, пытаясь отловить в воздухе своеоравное оружие... и вдруг, зашипев, резко согнулся в поясе, став похожим на заглавную букву «Г».

Его спина загоразживала мне панораму, и я не мог рассмотреть, что происходит между ним и облаком дыма, сквозь который уже можно было разглядеть камыши. Но в следующее мгновение я увидел мелькнувшую в воздухе черную полосу, окутанную ореолом багровых капель.

Бандит свернулся на земле, суча ногами и пытаясь засунуть под броник собственные внутренности. Однако кишки были скользкими и возвращаться на место не желали, расползаясь во все стороны, словно агонизирующие змеи с отрубленными головами.

«Коротка кольчужка...» – промелькнуло у меня в голове. Над бандитом в пыльнике стояла фигура, с макушки до

пяток запакованная в свободный черный комбинезон – только узкая прорезь для глаз имелась в сплошном тканевом шлеме, натянутом на голову. В такой одежде удобно скрываться в густой тени, с двух шагов не заметишь. Тем более если ее владелец еще и лицо раскрасит под цвет материи.

Однако владелец скрываться в тенях не спешил. Он поднял голову и прислушался к чему-то. К чему именно, стало ясно почти сразу.

В камышах перестал скулить раненный мною бандит. Перестал недавно, как раз в тот момент, когда его начальство выбило у меня из рук ружье. Но осознал я это только что – не до анализа его стонов было как-то. А сейчас дошло на уровне подсознания. И когда рвануло там, в камышах, плеснув красным на верхушки длиннющих стеблей, всё стало ясно. И не было больше ни малейших сомнений в том, кто сейчас стоит над главарем болотной банды, неторопливо пряча в ножны черный самурайский меч.

А потом случилось неприятное. Я, конечно, всякое в своей жизни видел, да и сам понатворил немало, но когда еще живому человеку, пусть уроду конченому, но все-таки человеку по рождению серебристой детской лопаткой неторопливо расширяют рану на животе, а потом засовывают в нее взрывпакет с зажженным фитилем – это все же слишком. Поэтому я поднапрягся, хотя в глазах от этого движения заплясали прозрачные пространственные аномалии, дотянулся до своего ружья и выстрелил.

Внутри накидки лопнула голова ее хозяина, коричневый капюшон распластался по земле, словно проколотый воздушный шар. А убийца, укоризненно покачав головой, шагнул назад – как раз вовремя, чтобы не попасть под веер слизи и дерьма, выброшенный взрывом из живота трупа.

Я не сдержал гримасы отвращения – излишняя жестокость всегда была мне не по нутру. Поэтому я просто отвернулся, достал из нарукавного кармана перевязочный пакет, надорвал его, и двумя движениями наложил повязку на рану.

Хорошая штука – перевязочный материал из желтой аптечки Международного института внеземных культур. Напоминает свернутую в рулон длинную и широкую пластинку жевательной резинки в герметичной упаковке. Убедился, что артерии и вены целы и кровища не хлещет, надорвал упаковку, обернул вокруг конечности – или же просто накрыл рану, если таковая образовалась в туловище. И всё. Эластичная субстанция в течение пяти секунд прилипает к любой поверхности, обеззараживая участок под ней и останавливая кровотечение. После чего повязка запросто снимается, смоченная особым составом, имеющимся в той же аптечке – не отдирается с болью и новым кровотечением, как обычный бинт, а именно снимается, легко и непринужденно. В бою такая штукавина вообще вещь незаменимая, перевязаться времени занимает чуть больше, чем магазин в автомате сменить.

В ультрасовременных военных аптечках «бинты» попро-

ще – дезлента на липучке. Конечность перевязать тоже просто: обернул дезинфицирующей лентой и липучкой зафиксировал. А вот если не конечность бинтовать, то приходится повозиться.

Обычные же оранжевые аптечки, дешевые и доступные, комплектуются старым, как сама война, обычным марлевым бинтом. В хорошей перестрелке можно даже и не доставать, если не хочешь лишиться последнего шанса выжить...

Спасибо таинственному институту внеземных культур, у меня в рукаве была козырная сталкерская карта – именно «жвачка» из желтой аптечки. Правда, пришлось перед наложением повязки воткнуть в рану еще одно средство первой помощи, которое имеет при себе каждый спецназовец, воюющий в горячей точке, и каждый сталкер, хоть немного соображающий в военно-полевой медицине. А именно – тампакс.

Может, кто и посмеется не от большого ума, но когда при глубоком ранении «в мясо» для временной остановки кровотечения необходима тугая тампонада раны, лучше этого средства, широко разрекламированного в средствах массовой информации, пока еще ничего не придумали. По диаметру оно подходит почти для всех огнестрельных ран, легко удаляется, абсолютно стерильно, и главное – не требует много времени для использования по назначению. Поэтому, прежде чем убийца с мечом подошел ко мне, перевязка уже была закончена и ружье снова заняло положенное место в

моих руках.

Оно и понятно. Хотя я уже догадался, кто передо мной, но раньше у этого типа не было тошнотворной привычки совать в животы своих жертв эдакие сюрпризы. И, судя по его глазам, никто не мог дать гарантию, что он не решит проделать то же самое со мной. Нехорошие глаза у него были. Пустые, словно два отверстия, только что пробитые пулями. Слишком часто видел я такой взгляд в зеркале, для того чтобы сейчас опустить ружье. Встретишь в Зоне типа с такими глазами на узкой дорожке – стреляй не раздумывая, если жить хочешь. Но сейчас я раздумывал. И, может быть, зря...

Ему было всё равно. Он даже не глянул на ствол ружья, направленный ему в живот. А просто подошел и молча встал в одном шаге от меня, скрестив руки на груди.

Пауза затягивалась. Я почувствовал, как адреналиновый «приход» медленно отпускает меня, и естественная реакция на него «бей или беги» сменяется способностью к отвлеченному логическому мышлению.

«Как-никак, он только что спас мою шкуру, – промелькнуло у меня в голове. – Черт с ним, должен же кто-то начать первым. Одному мне всё равно не выбраться из этого болота».

Я еще раз покосился на свежееосвежеванный труп главаря бандитов, прогнал в голове фразу Жмотпетровича о том, что Черный Сталкер мочит всех подряд – и сталкеров, и пиндосов, и, хотя мне очень не хотелось этого делать, всё же опу-

стиль РМБ на землю, криво усмехнулся и сказал:

– Чего смотришь? Взрывчатка кончилась, что ли? Начи-
най, коль пришел.

Черный Сталкер постоял еще немного, осмысливая ска-
занное мной, после чего, пробормотав что-то под нос, ловко,
одним движением взвалил меня на спину. И пошёл куда-то.

«Будем надеяться, что не на шашлык», – подумал я. И тут
меня накрыл второй «приход», какой обычно случается по-
сле неслабой кровопотери. Однако мое сознание еще цепля-
лось за мозговые извилины, не желая отключаться. Ему, ви-
дишь ли, требовалось понять, что же такое сказал Черный
Сталкер.

И оно справилось с задачей. Перед тем как отрубиться, я
вспомнил, как год с лишним назад киллер, посланный в Зо-
ну убить меня, прикрывал мою спину на пути к Монументу
и при этом матерился так же забористо и душевно на абсо-
лютно непонятном для меня японском языке.

* * *

Очнулся я от боли в ноге. Раздирающей, нестерпимой. И
заорал, не сдержавшись. Вернее, попытался заорать. Полу-
чилось не очень – мычание какое-то. Однако боль немного
отпустила, и я смог осмотреться.

Я лежал на солдатской койке – сварная рама, пружинная
сетка, гнутые трубы вместо спинки. Таких кроватей навалом

осталось в Зоне с прошлого века – если повезет, можно и не особенно ржавую найти, которая твой вес выдержит. Мне повезло. Даже надувной матрас подо мной имелся, прикрытый клеенкой. Почему клеенка, понятно – чтоб кровищей не измазал недешевый в этих местах предмет роскоши. Интересно, меня на этой койке собрались разделявать как говяжью тушу или будут еще варианты развития событий?

Предположение не было лишено оснований, так как во рту у меня находился обрезок резиновой полицейской дубинки, зафиксированный ремнем на затылке. И конечности оказались привязанными к раме кровати. Так что мне ничего не оставалось делать, как, повернув голову, попытаться разобратся в обстановке.

Обстановка оказалась спартанской, как и само помещение. По всем признакам подвал, причем на удивление сухой. Метров пятнадцать площади, кирпичные стены, с потолка на проводе свисает «вечная» лампочка – распространенное в Зоне явление, когда светильники, оставшиеся целыми со времен чернобыльской аварии, горят сами по себе без источников питания. У стены самодельный стол, на нем керосинка и нехитрая снедь, разложенная на газете: хлеб, колбаса, консерва открытая. Возле стола табуретка. И еще одна возле железной печки. На второй табуретке сидит Черный Сталкер и прокаливает на огне автоматный шомпол.

Картина мне сильно не понравилась, особенно шомпол. Но делать было нечего, оставалось только ждать. Тем более

что штанина на моей ноге оказалась разрезанной и тампак из раны выдернут. Так что еще немного – и всё прояснится. То ли пытаться он меня собирается, то ли лечить, что, впрочем, одно от другого вряд ли будет особо отличаться.

– Очнулся? – поинтересовался Японец – без его экзотического одеяния мне было проще называть его старым прозвищем. И, пошевелив в огне шомпол, пояснил:

– Спирт кончился. Придется так стерилизовать перед зондированием раны.

Я замычал вторично. Японец вздохнул, оставил раскаленный прут в печке и снял повязку с моего рта.

– Только тише, – сказал он. – По болотам звук разносится – мама не горюй, а ты в бреду стонал как раненый конь.

– В рюкзаке аптечка желтая. Мог бы догадаться залезть, – произнес я – и поморщился от вкуса резины во рту. Вот изобретатель хренов, японская его мама, до чего додумался! Хотя, надо признать, от японца у него только прозвище и специфическая подготовка, которую он получил в клане якудзы. А так с виду обычный парень, каких тысячи, с абсолютно незапоминающимися чертами лица. Нормальная внешность, в общем, для профессионального убийцы.

– Я по чужим рюкзакам не лазаю, – буркнул Японец.

– А это что? – повел я головой на кучу распотрошенных вещмешков, судя по виду, бандитских.

– Это трофейные. Разница есть?

– Есть, – согласился я. – Короче, в аптечке и спирт, и всё

остальное.

Японец кивнул, потом посмотрел на бинты, которыми были стянуты мои запястья и щиколотки.

– Режь, – сказал я. – Больше стонать не буду.

Я так и не понял, чем он перерезал мои путы. Просто рукой махнул – и обрезки бинтов попадали на пол. Как-нибудь на досуге надо будет растрясти его на тему, где и как он прячет свои ножики. Конечно, мы тоже не лыком шиты, но лишняя информация на эту тему никогда не помешает.

В аптечке имелось много всего – не аптечка, а небольшой чемоданчик с распоследними медицинскими чудесами, инструкции к которым я подробно изучил на досуге. При этом лежали там и самые обычные хирургические инструменты, необходимые нашему брату экстремалу, в частности – проволочный зонд и пара гинекологических щипцов. Эти жутковатого вида предметы как нельзя лучше подходили для извлечения пули из раны. Один из них, кстати, так «пулевым» и назывался – для того, чтобы достать мягкую ружейную пулю, самое то, что надо. Но сначала надо понять, как глубоко во мне засел бандитский подарок.

Я решил, что пары шприц-тюбиков с местным анестетиком и морфием для начала мне будет достаточно. Оказалось, переоценил себя. Когда я ввел зонд в рану, показалось, что еще пару сантиметров вглубь – и отрублюсь напрочь.

– Помочь? – поинтересовался Японец, со своей табуретки наблюдавший за процессом. Я помотал головой – лучше те-

бя самого никакой хирург не почувствует, насколько погано обстоит дело.

Дело обстояло не очень. Бедрa у меня мясистые, много прыгать-бегать приходилось и в детстве, и позже, вот их и разнесло. Пуля же засела глубоко и, похоже, неслабо деформировалась. Тянуть щипцами замаешься, и далеко не гарантия, что достанешь. А если и достанешь, то рану разбередишь страшно – чтоб щипцы в нее ввести, ее расширить придется, плюс расплющенный комок свинца ее раздерёт. Загниет после операции как пить дать, даже регенерон не поможет.

Я вытащил зонд, откинулся на спинку кровати и улыбнулся.

– Подкинь-ка мне еще один шприц, – сказал я. – А потом тащи сюда свой шомпол.

– Ты хорошо подумал? – поинтересовался Японец, протягивая мне пластмассовую ампулу с иглой на конце.

– Лучше не бывает, – сказал я, втыкая в трицепс иглу.

Когда морфий колешь не по вене, а в мышцу, то «приход» намного мягче. Тебе просто хорошо, боль воспринимается как нечто постороннее, к тебе отношения не имеющее. Хотя смотря какая боль...

– Этот тубик был последним? – спросил Японец, протягивая мне раскаленный шомпол. Конец стального прута, за который он держался рукой, был обернут толстым слоем бинта.

Я кивнул.

– Может, лучше было по вене пустить?

– Тогда б я просто отъехал и пулю не почувствовал, – сказал я, поливая стальной штырь хлоргексидином. Шомпол зашипел, словно разъяренный кот, после чего я дополнительно протер его стерильной салфеткой, смоченной в спирте.

Самое время.

Я осторожно согнул ногу в колене и ввел в рану еще теплое железо. Под кайфом было, конечно, проще, но когда шомпол начал раздвигать раневой канал, кайф куда-то делся, словно я и не колол ничего. Наверно, морфий с потом вышел, который заливал мне глаза и градом стекал с шеи за воротник...

Война и Зона – синонимы, это каждому ясно, кто побывал и там, и там и кому есть с чем сравнивать. Так вот, обе эти подруги только на картинках хороши. Или в романах. Или в кино, если режиссер не хочет пугать зрителя, или сам ни черта не знает о том, что снимает. Или в игре компьютерной. Но что такое на самом деле война, понимаешь лишь на войне. Когда руки-ноги оторванные увидишь, еще сокращающиеся. Когда первого врага своими руками пристрелишь или, и того хуже, на нож примешь. Когда идущая в разведку по тылам врага группа спецназа вынуждена зачищать всех, на кого случайно наткнется, в том числе детей и женщин. Потому что вопрос стоит просто – если останутся жить свидетели, то погибнет группа. И ты понимаешь, что это правильно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.